

*Памяти
Виктора
Улагрина*

Анастасия КАЛЬКО

Две вдовы Маленького Принца

*Театральный детектив
Наташи Навицкой*

Настоящая любовь.

Настоящее коварство.

И преступление - настоящее...

И опасность, которая ходит по пятам - тоже...

16+

Анастасия Александровна Калько

Две вдовы Маленького Принца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67988078

SelfPub; 2023

Аннотация

Адвокат по уголовным делам Виктор Уланов на этот раз сам стал обвиняемым. Все указывает на то, что он коварно убил молодого артиста Вячеслава Томилина. Ушлый блогер заснял их встречу в торговом центре, а через несколько часов Томилин оказался в реанимации с тяжелым отравлением и вскоре скончался. Возможность совершить убийство у Виктора была. И мотив. Да! О романе жены Уланова, модной писательницы Наташи Навицкой с артистом театра, в котором идет спектакль по ее пьесе, давно судачит богемный Петербург. Следователь убежден, что Уланов не смирился со своими рогами. Дело готовится к отправке в суд. Но Наташу и ее друзей Ефима и Беллу одолевают сомнения: не все так просто в этом деле! Потянув за пару незамеченных официальным следствием белых ниток, Наташа нащупывает хитрую многоходовую комбинацию, жертвой которой стал Слава. С этого момента Наташа и ее друзья ходят по краю пропасти. Но Наташа в прошлом капитан боевой роты ВДВ, а Ефим – ветеран первой чеченской войны. Напугать их непросто.

Анастасия Калько

Две вдовы

Маленького Принца

*Посвящается памяти моего друга Виктора Шадрина,
артиста Драматического театра им. Б. Лавренева.*

*... Ветреным вечером
Смолкнут крики птиц,
Звездный замечу я
Свет из-под ресниц,
Прямо навстречу мне,
Прямо навстречу мне
Выйдет доверчивый
Маленький принц...
/Н. Добронравов/*

Все персонажи и события романа являются вымышленными. Любое сходство с реальностью случайно.

Автор стихов, которые главный герой книги, Вячеслав Томилин, перекладывает на музыку, – Галина Георгиевна Калько, моя мама. Она написала их в 17 лет. Стихотворение публикуется с ее разрешения.

Она снова попала в тот вечер, когда все висело на волоске и разрешилось благополучно только благодаря друзьям. Если бы Ефим не придумал трюк с засадой. Если бы Белла не сшибла мотоциклом в реку Вальтера, когда тот начал размахивать пистолетом. "Может, если бы не они – меня уже и в живых бы не было", – думала Наташа, вспоминая ту белую ночь на берегу Оккервиль.

Только теперь она смотрела на свои речные приключения со стороны.

Ослепленный светом фар, преступник отпрянул. Пистолет вылетел из его руки и бабахнул в воздух. Раздался рев мотора. По экрану в глубине сцены стрелой пронесся байкер на мотоцикле – черная фигура с зеркальным "забралом" шлема. Темнота, удар, вопль, всплеск. На мосту – короткая схватка наемников Макарова со Штерном и Колиным.

– Помогите! – раздался крик из-за парашюта. – Вытащите меня! Тону! Спасите!

– Сам вылазь! – рявкнула худощавая черноволосая девица, затянута в блестящий байкерский костюм, снимая шлем. – У тебя тут прислуги нет!

– У меня свело ногу, – булькая и захлебываясь, кричал Макаров. – Я не могу... Спас...

По парашюту пулей промчался высокий парень в джинсах и серой ветровке, примерился и прыгнул. Снова раздался всплеск.

– С ума сошел! – рявкнул дюжий седеющий мужчина, скручивая одного из задержанных гопников.

– Это же наш ключевой свидетель, Яша! – ответил парень, вытаскивая на парапет охающего и отплевывающегося Макарова. – Его нужно беречь, чтобы показания в суде дал!

– Настоящий адвокат, – хмыкнула коротковолосая девушка, тоже в кожаном костюме байкера, облегающем красивую статную фигуру, – за ценным свидетелем и в огонь, и в воду готов.

Парень в ветровке спокойно и серьезно посмотрел на нее, и девушка смущенно умолкла. А Макаров со стоном привалился спиной к парапету, в последний раз кашлянул и спросил:

– А если я не стану давать показания?.. Дурак я вам, пуптевку в "Черный дельфин" себе заказывать?

– А не станешь – так речка рядом, можем тебя туда вернуть, – угрожающе рыкнул здоровяк, сжимая могучие кулаки.

– Стоп, стоп, стоп, стоп! – в проход вышел высокий худощавый мужчина лет 50, с папкой под мышкой. – Никуда не годится! Все сначала!

– Что "все"?! – возмутилась девушка со стрижкой.

– Всю сцену на набережной. Один Томилин хорош, а вы все, как замороженные, играете!

– Да сколько можно?! – заспорил седеющий красавец, играющий Штерна. – Шестой раз уже сначала начинаем! А у

меня ночь на съемках, я натурально не выспался! Даже в армии вторые сутки дежурить никого не заставляли! Венцпольский снимал ночные эпизоды в Озерках, -со вкусом подчеркнул он, – я всю ночь по берегу с автоматом туда-сюда бегал и хочу, наконец, домой, отдохнуть! Ты, Костя, уже запарил!

– Ладно, Стас, – махнула рукой девушка-мотоциклистка, – зря только время на споры теряем. Давай сначала.

– Полдня уже сначала, – пробурчал Стас Вяземский, но все же пошел на исходную точку.

Наташа Навицкая, сидевшая в третьем ряду, облокотилась о спинку переднего кресла. Она с интересом смотрела на артиста, который должен был теперь играть одну из главных ролей в спектакле, поставленном по ее роману. "Узница спецблока" теперь шла на сцене театра ее друга, режиссера Лаврецкого, под названием "Развязка на Оккервиль" и уже третий год сохраняла за собой место в первой десятке самых популярных спектаклей Петербурга. Но в марте спектакль неожиданно отменили, и два месяца его не было на афишах. Предыдущий исполнитель одной из главных ролей – адвоката Уманского, обаятельный герой-любовник Георгий Чирков, неожиданно перевелся в столичный театр, и на его место начали спешно выбирать другого артиста. Режиссер обратил внимание на молодого человека, ранее игравшего в спектакле эпизодическую роль одного из "особистов", преследующих беглянку в Северной столице. Через несколько

дней Вячеслав Томилин должен был впервые выйти на сцену в новой роли, и спектакль активно репетировали.

"Узницу" Наташа переложила в формат пьесы самостоятельно по просьбе Лаврецкого. "Хочется показать на сцене сегодняшний день, – говорил ей Константин на фуршете в "Имперiale", – не все же только классику, всеми режиссерами до дыр заюзанную, ставить. Тут ведь какая ловушка, Натали: берешь "Гамлета", скажем, или "Три сестры", ищешь новое решение, приветствуешь индивидуальное актерское видение Офелии, Клавдия или Вершинина, чтобы не выдать стандартное клише, ни с кого не собезьянничать. А тебя в рецензиях все равно с кем-нибудь сравнят, – режиссер экспрессивно махнул рукой, обронив оливку со своего канапе, – да еще с ехидцей, с подковырочкой. И хейтеры тут же подхватят, заголосят, как мартовские коты: надоело, мол, однообразие, в какой театр ни придешь, у всех одно и то же, играют одинаково, лучше эти театры все закрыть и на их месте кабаки со стриптизом пооткрывать! За примером далеко ходить не надо – играли вот "Визит дамы", "Фантазии Фарятьева", "Любовь и голуби" – так снова-здорово, начали с экранизациями сравнивать в таком тоне: на кого, мол, замахнулись, кишка тонка с Васильевой, Мироновым и Гурченко тягаться, зачем нам эти бледные копии, лучше на торрентах фильмы скачаем и дома за пивасом посмотрим. Вот я и решил взять нечто принципиально новое, чтобы не с чем и не с кем было сравнивать, и забабахать на сцене экшен или

детективчик!" "Интересная идея, – хмыкнула Наташа, уворачиваясь от слетевшего от следующего взмаха бутербродом куска семги. – Костя, не издевайся над едой, канапе едят, а не дирижируют им!" "Кстати, твою "Узницу" можно классно переписать в драматургическом формате, – загорелись глаза у режиссера, – я ее уже вижу на сцене... Да и ты сейчас в тренде, народ на имя пойдет. Артистов хороших подберем, музыку, спецэффекты – конфетка будет, а не спектакль!"

Лаврецкий был так захвачен идеей, его глаза так азартно блестели, что его энтузиазм передался и Наташе и, придя домой, она сразу же засела за работу и через две недели "Узница" была переписана в пьесу. При отборе актеров Наташа присутствовала лично. И уже после театральных каникул 2019 года театральный Петербург всколыхнула новость: по роману автора серии "Армейский детектив" поставлен спектакль. Это заинтересовало и петербургских любителей театра, и гостей города, и поклонников Лаврецкого и Навицкой.

До прошлогоднего локдауна пьеса шла при полных аншлагах и с большими сборами. Лаврецкий уже начал уговаривать Наташу на следующую пьесу – по "Штормовому предупреждению", но тут грянула самоизоляция, все учреждения культуры закрылись на карантин, и людям стало не до искусства. Но появившийся на ютуб-канале театра видеоспектакль имел успех, и рейтинг театра Лаврецкого остался высоким даже тогда, когда другие коллективы несли потери из-за вынужденного бездействия.

Саму Наташу, вернее – ее постоянную героиню Катю Савскую – играла Инесса Грозовская. Высокая, статная, красивая молодая женщина с яркими карими глазами и звучным голосом прекрасно вписалась в роль бывшей военнослужащей, ложно обвиненной в подготовке теракта и убийстве. Ее подругу, отвязную байкершу, цыганку Нонну, изначально играла Алиса Астахова, признанная красавица и ведущая актриса театра. При виде этой миниатюрной женщины с копной роскошных каштановых волос, задорно блестящими темными глазами и звонким голосом, энергично летящей на точеных ножках по коридорам театра и сцене, никто не верил, что ее сын учится уже на третьем курсе Университета профсоюзов Александра Запесоцкого. В романах Наташи Нонна была высокой девушкой, а рост Алисы был всего 160 сантиметров. Но увидев ее пробы на роль, Наташа поняла, что лучше Астаховой Нонну никто не сыграет.

Вальяжного главу юридической конторы, бонвивана и "брутала" Якова Штерна, умеющего мгновенно превращаться из лощеного денди в стремительного и могучего бойца, играл бессменный герой Наташиных экранизаций, звезда криминальных сериалов и кумир петербургских театралок Стас Вяземский. Несколько лет назад он был приятелем Беллы. Год назад, после череды головокружительных событий во время карантина, Стас женился на Инге, Наташиной подруге, журналистке светской хроники. Вопреки злорадным прогнозам сплетников – "И полгода не продержатся;

надоест; поматросит и бросит" – брак оказался счастливым. И через месяц Стас и Инга собирались праздновать первую годовщину свадьбы. И если Вяземский в обществе начинал жуировать с окружающими дамами, это срабатывала, скорее всего, сила привычки – быть всегда в центре внимания. После женитьбы на Инге Вяземский поутих и уже не был таким донжуаном, как прежде, когда вспыльчивая Белла не раз устраивала ему разбор полетов из-за посиделок в кофейне или прогулок под ручку с очередной обожательницей.

Четвертую главную роль – помощника Штерна, молодого адвоката Виталия Уманского – вначале играл признанный жен-премьер Чирков, покоряющий сердца зрительниц от 15 до 80 лет, круглый год загорелый блондин с атлетичной фигурой и точеным лицом.

Наташа не хотела брать на роль адвоката-интеллектуала этого синеглазого "мачо". Не таким она представляла себе Уманского. С трудом верилось, что этот сияющий отбеленной "голливудской" улыбкой и играющий бицепсами красавец – чемпион брэйи-рингов, полтора года безответно влюбленный в Катю. Только когда смертельная угроза нависла над его любимой женщиной, тихоня Уманский разбудил в себе зверя и бросился в бой. А Чирков выглядел типичным супергероем. Он красиво прыгал с парашюта, эффектно дрался, по поводу и без демонстрировал залу свой великолепный торс и страстно целовал Савскую в финале. Но в источнике-то Уманский был тихим скромным молодым человеком, кото-

рого коллеги не раз дразнили "зубрилкой" и "мямликом", и в этой роли Чирков смотрелся неубедительно.

– Он же "америкэн-бой-уеду-с-тобой", – доказывала Наташа Лаврецкому, – а в роли Уманского я вижу "обычного питерского парнишку", офисного клерка среднего звена. Во всякой он становится, только спасая Катю. Ради нее он отбросил свои светские манеры и ринулся в битву. А так у зрителей может возникнуть вопрос: и почему такой крутышка всю пьесу тупили умничал?

– Натали, – снисходительно улыбнулся режиссер, – поверь мне, на Чиркова хорошо пойдут. Он стабильно делает нам кассу. Его поклонницы будут билеты за месяц разбирать и на спектакле балдеть, вопя от экстаза. А мне надо привлечь внимание к новой постановке.

Он оказался прав. Фото Астаховой, Чиркова, Грозовской и Вяземского, театралы тут же спешили в кассу. Прочитав восторженные отзывы о "Развязке", в театр потянулись и туристы. И в самом деле Чиркова приняли "на ура". Люди хотели видеть кумиров.

И вдруг Чирков заявил об уходе: "Извините, ребята. Но мне там Вронского предлагают. Я всю жизнь мечтал сыграть. Такое предложение раз в жизни бывает". Лаврецкий схватился за голову – в разгар театрального сезона потерять одного из ведущих артистов – катастрофа. Но не мог отказать Чиркову потому, что очень хорошо его понимал.

И его идея попробовать в новой роли молодого артиста,

уроженца Новгорода, два года назад приехавшего в Питер из Твери, оказалась удачной. Вячеслав Томилин удачно прошел пробы и был утвержден на роль. И Наташа понимала, что в роли Уманского он идеален. ТАК эту роль не сыграет никто. И почему раньше он играл крохотную роль с десятком реплик и общим планом?

Этот худощавый молодой человек с тонким, словно иконописным, лицом и огромными серыми глазами не играл – он действительно становился Виталием Уманским, адвокатом, готовым на все ради спасения любимой женщины от ложного обвинения и бандитской угрозы. Он страдал вместе с Катей, лихорадочно искал пути для ее спасения, готов был грудью встать на ее защиту, если понадобится и, рискуя жизнью, нырял в ледяную июньскую реку за ключевым свидетелем, показания которого снимали с Катерины все обвинения. И Наташа сразу сказала: "Да. Таким я и задумывала Виталия".

После очередного переигрыша Вяземский снова начал бурно возмущаться, доказывая, что все идет великолепно, сколько можно людей по сцене гонять. И вообще, у него завтра съемки в клипе у Белосельского, он надеялся хоть сегодня отоспаться, чтобы в клипе не выглядеть сонным сусликом. Другие артисты зашумели – кто-то соглашался со Стасом, кто-то встал на сторону режиссера. Один Томилин не участвовал в споре. Он тихо сел через проход от Наташи и стал листать тетрадь со своим текстом. "Великий Новго-

род, – подумала Наташа, – красивый город... Одухотворенный. Немудрено, что его уроженец так талантлив..."

В первый же визит Новгород покорила Наташу. С зелеными берегами Ильменя, множеством храмов и соборов, древним "детинцем" и памятником 1000-летию Руси в центре города. Запах мёда, колокольный звон, щедрый комплексный обед в симпатичном кафе "Центр" на белой скатерти – вот чем Наташе запомнилась экскурсионная поездка. Уединенный скит на въезде в город и его начальник – острый на язык инок. Смотрители музея деревянного зодчества, в национальных костюмах. Пар изо рта в соборе Святой Софии – там холодно даже в жаркий летний день. Разноцветье клумб в женском монастыре – монахини любят цветы и старательно ухаживают за клумбами. Новгород...

Наташа вздохнула, вызывая в памяти эти картины, и улыбнулась. Вячеслав обернулся, внимательно посмотрел на нее и улыбнулся в ответ. На щеках появились мягкие юношеские ямочки. Казалось, ему совершенно не мешает шумная полемика возле сцены. Наташа невольно залюбовалась его одухотворенным лицом и азартно блестящими глазами. Такая самозабвенная верность любимому делу вызывала у нее симпатию – такой была и она сама, такими были и ее муж Виктор Уланов, и друзья – Ефим Коган, Белла Измайлова и Игорь Никольский.

Хотя, Белла сейчас выпала из обоймы. Они с Ефимом ждут ребенка, позднего и долгожданного. У Беллы все мыс-

ли о том, чтобы выносить и родить дитя благополучно, не упустить ситуацию, не прохлопать осложнения, и разговоры все – о гимнастике для беременных, витаминах, триместрах и "семейных родах". Белла обожала рассказывать о поведении "пузожителя", игнорируя остальные темы, и Ефим только разводил руками: "Надеюсь, это она не всерьез, насчет семейных родов?.. Мы как-то в Чечне у одной местной на эвакопункте роды принимали... Брр! Впечатлений хватило на всю жизнь!"

Вспоминая себя, когда она носила Витю-Младшего, Наташа иногда думала: "А что, если Белла ведет себя нормально, а я – моральный урод? Я все девять месяцев бегала, как конь педальный, сдала в издательство две книги, провернула очередное расследование для Фимы и Игоря. И выручила Уланова, когда одна подмазанная свидетельница обвинения накатала на него "телегу", требуя отстранить от дела. И еще я страдала из-за того, что врач запретил мне сигареты, кофе и сет "6 за 200" в "Кинге", а любимые джинсы стали тесны. Нет бы мне тогда ходить неспешно, поглаживая созревающее пузико и обсуждать самочувствие "пузожителя" (фу, ну и словцо же, откуда только Белла его взяла!). Все у меня не как у людей!"

Наташиному сыну, Вите-Младшему, или просто Младшенькому, в феврале исполнилось четыре года. Энергичный, любознательный крепыш становился все больше похожим на мать. Опасения Наташи, что отец и няня испортят ребенка

своим воспитанием, превратят его в избалованного и безвольного нытика, пока не оправдывались. "Я его редко вижу, – думала Наташа, – а Лиза может избаловать подопечного. Конечно, она – профессиональная няня с дипломами школы Монтессори и курсов методики Гиппенрейтер, но может подпасть под обаяние Младшенького и разбаловать его. Сейчас мальчики бывают такими неженками, хуже девочек, а я не хочу, чтобы мой сын чуть что, заливался слезами и бежал жаловаться старшим, вместо того, чтобы самому решить проблему или дать сдачи обидчику. Но бросить все и посвятить себя только воспитанию ребенка я тоже не могу... В прошлом году я поневоле попробовала пару недель вести жизнь домохозяйки, когда всех разогнали по домам, и убедилась, что это – не моя стезя. Хранительница домашнего очага из меня хреновая".

"Потерпи, – шепнул однажды Наташе Ефим, когда она вышла в гостях покурить после двухчасового повествования Беллы о том, как себя сегодня вел "пузожитель", – она без работы долго не сможет. Белке только бы в бой и в строй, и ничто ее надолго не вышибет из седла. Родит, возьмем няню, подвернется первое же дельце позаковыристей, и вуаля, вот нам и наша прежняя Белка-Стрелка! Еще нарадуемся... и оглохнем!"

Наташа кивнула. И решила подождать.

А на следующий день ей позвонил Лаврецкий и триумфально сообщил, что в "Развязку" вводят нового исполни-

теля роли Уманского и не могла бы Наташа прийти, посмотреть на репетицию? Конечно же, Наташа пришла. И удивлялась, почему Вячеславу не дали эту роль раньше. Этот сероглазый молодой человек с трогательными ямочками на щеках, похожий на слегка повзрослевшего Маленького Принца из сказки Экзюпери, гораздо лучше понимал роль Виталия Уманского, чем эффектный, но склонный к самолюбованию герой-любовник Чирков.

Репетиция действительно затянулась почти до вечера. Лаврецкий торопился подготовить спектакль в новом составе, чтобы сразу после Дня Победы провести первый, закрытый, прогон для почетных гостей, поэтому и сгонял на репетициях с артистов и с себя семь потов, желая, чтобы труппа с новым исполнителем сыгралась безукоризненно. Поэтому он по много раз заставлял играть заново сцены, которые казались ему сыгранными недостаточно хорошо.

На ходу разговаривая по телефону, вскочил за руль своей ярко-алой "БМВ" Стас Вяземский и умчался домой – отсыпаться перед съемками у режиссера Белосельского в клипе модной певицы Алиевой. Стасу предстояло играть роль рокового мужчины, разбивающего сердце певицы.

Пискнула, снимаясь с блокировки, белоснежная маленькая "пунто" Алисы Астаховой. Помахала рукой ожидающему ее возле синей "ауди" мужу Инесса Грозовская. Расходились и разъезжались остальные артисты, прощаясь с На-

ташей, курившей около новенькой афиши "Развязки на Оккервиль".

Над чем-то смеясь, из театра выскочили Вячеслав и еле поспевающая за ним невысокая темноволосая девушка – сотрудник театра, которую Наташа несколько раз мельком видела в кулуарах, но пока не познакомилась с ней. На ходу Томилин договаривал спутнице: "Так что ты сама понимаешь, Соня..."

Начало мая в Петербурге выдалось холодным и промозглым, и убирать теплую одежду никто пока не спешил. Яркая, лимонного цвета куртка Томилина словно бросала вызов угрюмому пасмурному вечеру, тучам и серому мокрому асфальту и снова напомнила Наташе о Маленьком Принце с его желтым шарфом...

На бегу попрощавшись с Наташей, Вячеслав и Соня поспешили в сторону метро. "Сколько же ему лет? – подумала Наташа. – Выглядит совсем юным..."

Она даже позавидовала Вячеславу. Саму ее уже не тянуло бежать без зонтика под мелким и занудливым дождем, да еще так весело смеяться при этом. И то, что Томилин ушел с улыбающейся ему в ответ Соней, слегка уязвило ее.

"Хотя, сейчас меня не должно волновать, кто с кем уходит, – думала Навицкая, прогревая мотор своего "круизера", – у меня дома муж и сын. Вернее, пока – только сын. Уланов снова уехал. На этот раз у него подзащитная в Ростове. Левый, левый, левый берег Дона: пляжи, чайки, плесы у

затона, как в песне Шуфутинского..."

Квартира встретила Наташу пустотой и тишиной: Младшенький и Лиза еще не вернулись с детского праздника в "Баскин Роббинс"; одна из подруг мальчика отмечала свой первый юбилей, пять лет...

Навицкая прошлась по коридору – бывшие дворянские апартаменты на набережной Фонтанки до 1917 года. Потом это была коммунальная квартира на восемь комнат. Счастливыми считались обитатели самой большой комнаты с тремя окнами и балконом с видом "на воду". Сейчас эта комната, где при ремонте снесли все самодельные перегородки и восстановили лепнину и камин, снова обрела свой статус гостиной, а на балконе под навесом стояли ротанговый столик и три плетеных кресла.

Нужно было дописывать главу в черновике нового романа, благо дома сейчас никого нет, и никто не отвлекает. Но Наташа не спешила за рабочий стол. Она долго переодевалась, мыла руки, пила кофе и курила на балконе, любуясь закатом над Фонтанкой. И, когда добралась, наконец, до рабочего стола, каждую фразу приходилось из себя буквально вымучивать. "Вот так всегда. Когда строка идет, каждые пять минут со всех сторон за рукав дергают. А сейчас тишина, спокойствие, а меня непонятно какая муха укусила; муза улетела по другим делам или завалилась спать пораньше..."

После нескольких безуспешных попыток написать хотя бы пару страниц связного текста, который не увязнет надоевшей

жвачкой в зубах у читателя, Наташа безнадежно отложила ручку. Сегодня явно не ее день.

Снова послонявшись по квартире, Наташа снова накинула куртку, зашнуровала ботинки и вышла.

Неподалеку от дома в глубине Измайловского сада расположился бывший Театр Буфф, ныне – Молодежный театр на Фонтанке. Наташа любила там гулять весной, когда природа уже проснулась после зимней спячки, и голые деревья снова нарядились в зеленые обновы. "Сад имени меня!" – всегда шутила Белла, составляя компанию подруге.

В саду было прохладно и тихо. Спектаклей сегодня не было, и к большой и малой сцене не спешили зрители.

Наташа остановилась около фигуры Петербургского ангела, маленького человечка в шляпе и с зонтиком, сидящего на спинке скамейки. Почему-то именно эта скульптура была у Навицкой самой любимой в городе, разделяя первое место с памятником Ахматовой возле "Крестов" и котенком Фунтиком на улице Якубовича. "Да, зонтик для нас – едва ли не самая важная деталь туалета, – подумала Наташа, которая не заметила, как начала говорить "мы", причисляя себя к петербуржцам. Город на Неве охотно принял ее, по происхождению – южанку. И она приняла Петербург, ни на что не похожий город со своей логикой, менталитетом и особым микроклиматом. – Чуть забудешь, и мало не покажется, – она натянула капюшон; с деревьев посыпались крупные капли холодного дождя. – Брр!"

Она вспомнила ярко-желтую куртку и непокрытую голову Томилина, весело бегущего к метро с сотрудницей театра. Кто она, эта Соня? Явно не актриса, Наташа это определяла безошибочно. Гример? Костюмер? Бутафор? Наташа с трудом представляла себе эту неприметную тихую девушку, затерявшуюся на репетиции где-то в глубине немаленького зала Большой сцены. Ничего общего с яркими, элегантными, уверенными в себе артистками. И что ее связывает с Томилиным?

Наташа сама себе удивилась: ей-то какое дело, какие отношения связывают молодого артиста и сотрудницу театрального закулисья? Вячеслав просто будет играть роль в спектакле, поставленном по ее пьесе. Его личная жизнь Наташи совершенно не касается. Но против воли снова вспомнились мягкие русые волосы, лежащие густой волной, тонкая "аристократическая" ладонь, перелистывающая страницы с текстом и полная отрешенность, пока остальные дискутируют с режиссером... Внимательный и задумчивый взгляд темно-серых глаз, легкая улыбка...

– Тихо навстречу мне, тихо навстречу мне

Выйдет доверчивый Маленький Принц... – замурлыкала себе под нос Наташа, выходя из сада и шагая к мосту.

Прогулка помогла ей собраться с мыслями, и до ужина Наташа успела написать две главы, не отрываясь от рабочего стола.

Закрыв тетрадь, Наташа вышла на балкон и оперлась лок-

тями о перила. Внизу в свете фонарей мелькнула желтая куртка, и на мгновение Навицкой показалось, что это Вячеслав. Но парень оказался блондином, с круглым красным лицом, с кем-то шумно обсуждал по телефону недавнюю игру "Зенита" и глупо, с подвизгом, заржал над своей же сальной шуткой. "Дебил", – подумала Наташа, с раздражением уходя с балкона.

В столовой няня кормила Младшенького ужином. Наташа прошла туда и подумала: "По идее, это должна делать я. И сказки читать на ночь, и слушать его рассказы... Так, и в который раз я себя в этом упрекаю? правильно, в тысячный. И что изменилось? правильно, ничего!"

Младшенький тут же с энтузиазмом атаковал мать, рассказывая, как прошел праздник, что они с Олесей два раза танцевали и ей очень понравился подарок, а какой-то Ваня упал и "ревел, как девчонка, вот дурак". Увлечшись повествованием, он побежал за матерью на кухню. Наташа слушала этот поток слов, закладывая в тостер кусочки хлеба и доставая из холодильника листья салата и грейпфрут. Весы опять показали на два килограмма больше нормы, и пришлось снова сесть на диету. Да и сейчас ее подхлестывали воспоминания о репетиции: "Алиса старше меня, а фигура – как у манекенщицы. Инесса – моя ровесница, а как прекрасно смотрится в кожаных штанах в обтяг! Значит, и мне распускаться нечего!"

– Мама, а почему ты не ешь сыр? – любезно спросил

Младшенький. – Очень вкусный! И ветчина тоже.

– Потому что если мама будет много есть, – улыбнулась Наташа, – то застрянет в дверях, как Винни-Пух в гостях у Кролика, – она мужественно свернула в трубочку ненавистные зеленые листья. – Помнишь мультик?

Младшенький залился хохотом. Мультфильмы про Винни-Пуха он обожал. И больше всего мальчику нравилась именно история о том, как Винни и Пятачок пошли в гости к Кролику, и что из этого вышло.

– Рада, что ты меня правильно понимаешь, – Наташа откусила зеленый рулетик.

На первый, закрытый, показ "Развязки" с Вячеславом Томилиным в роли Уманского Наташа пришла раньше всех, задолго до начала. Лиза сегодня повезла Младшенького в Зоопарк, и прогулка грозила растянуться до самого закрытия зверинца. И тишина пустой квартиры, и нетерпение: каким же теперь будет спектакль? – вытолкали Наташу из дома за три часа до начала.

Она любила бывать в театре в "неигровое" время и видеть больше, чем рядовой зритель, курсирующий по стандартному маршруту гардероб-зал-буфет-туалет.

Пустые и тихие коридоры, двери кабинетов и цехов – костюмерный, бутафорский, кладовая, где хранятся костюмы, комната примеров, склад реквизита, фотографии на стенах – артисты театра, прославившиеся в прошлые десятилетия, вся история этого храма Мельпомены, уходящая своими

корнями в середину XIX века. Особый неповторимый театральный запах и тишина. Или деловитая подготовка к спектаклю, который ставят впервые. Чувствовалось волнение перед премьерой. Да и спектакль, который идет уже давно, без тревожных волнений не обходится.

Сейчас по коридорам сновали декораторы, реквизиторы, бутафоры и прочие работники. Доносились голоса из костюмерской. Пахло раскаленным утюгом и свежесглаженной одеждой. Артисты еще не приехали.

Наташа поднялась в зимний сад на верхнем этаже, чтобы никому не мешать. Ее у Лаврецкого хорошо знали и беспрепятственно пускали знакомую режиссера за кулисы. А сейчас – тем более: Наташа была автором рейтингового спектакля, уже даже не гостем, а своим человеком в театре.

В зимнем саду было тепло и влажно. Пахло цветами и немного – мужским парфюмом.

Объяснение этому Наташа нашла, выйдя к своей любимой скамейке у декоративного фонтанчика. Там сидел худощавый молодой человек в джинсах и серой водолазке навыпуск и пролистывал тетрадь с текстом.

Услышав шаги, он поднял голову и тут же встал со скамейки:

– Здравствуйте, Наталья!

– Добрый день, Вячеслав, – улыбнулась Наташа. – Я, кажется, рановато пришла.

– Я тоже, – на щеках Томилина снова появились улыбки.

вые ямочки. – Люблю повторять текст в этом оазисе. Большой контраст с тем, что снаружи, – смущенно добавил он.

– Я вам не помешала?

– Нет-нет, я уже перечитал свои реплики, проговорил их в уме и уверен, что смогу сыграть. Просто сижу тут, чтобы не мешать рабочим...

Он продолжал стоять, и Наташа поняла, что Вячеслав не сядет раньше ее.

Сев на скамейку, она искоса рассматривала новгородца. Чистое лицо, тонкие черты, безупречная осанка и подмеченные еще в прошлый раз "аристократические" тонкие руки. И то, что он встает, когда вошла женщина, говорит о воспитании, которое сейчас редко встретишь. Даже в их культурной столице часто можно увидеть женщин, заботливо усаживающих своих порой не таких уж и маленьких детей. И кто-то из "малюток" без зазрения совести вручает стоящей рядом маме или бабушке свой рюкзак, спортивную сумку или самокат, чтобы ничто не мешало наслаждаться мультиками в телефоне. Однажды Наташин "круизер" заглох на Каменном острове. Сдав его на руки приехавшим на эвакуаторе сервисным работникам, Наташа повела Младшенького на остановку автобуса. Войдя в салон, они увидели такую картину: хлопотливая бабуля усаживает на освободившееся место пухлого мальчугана лет шести, забирает у него рюкзак, вытирает мальчику руки салфеткой и сует пакет с двумя пирожками: "Пожуй, солнышко, покушай, зайнька!". А на замечание сто-

ящего рядом мужчины "Вообще-то я вам уступил" она ответила: "Я сидеть не хочу, а дитю стоять нельзя! У него еще координация не развита! Автобус тряхнет, дите упадет! Пусть дите отдыхает, что вы до него докопались?"

Наташа фыркнула, вспомнив, как сама лет с пяти ездила в транспорте стоя, а до этого – на коленях у мамы. Однажды Тамара Ивановна ей сказала: "Ты уже большая девочка, Наташа, на ручках у меня не помещаешься. Теперь ты можешь ехать стоя, а я тебя буду держать". Когда Наташа попыталась понять, мать ответила ей: "Я старше тебя на сорок три года; работаю и веду хозяйство. А у тебя все заботы – в детском саду на качелях качаться да фломастерами рисовать. Так кто из нас больше устал: ты или я?"

"А я тогда и не знала, что у меня не развита координация и преспокойно ездила стоя, – развеселилась Наташа. – И не требовала, чтобы у меня еще и ранец забирали и стояли рядом, как в почетном карауле!"

А бесхитростный Младшенький, тыча пальцем в жующего толстячка, звонким голоском спросил: "Мама! Он что, на ножках стоять не умеет? И чего он грязными руками ест? Надо руки мыть, а потом есть! Он что, не знает?"

Все в автобусе стали оборачиваться. Кто-то захихикал. Щекастый мальчик подавился вторым пирожком и натужно раскашлялся, обдав соседей шрапнелью из пережеванного лука с яйцом. Бабушка, хлопая внука по спине, прошипела Наташе: "Вам надо получше воспитывать своего ребенка!"

Что он себе позволяет?" "Не вам об этом судить!" – отчеканила Наташа таким тоном и так взглянула, что возмущенной пожилой даме расхотелось продолжать дискуссию. А с заднего сиденья донеслось: "Да... Устами младенца глаголит истина!"

Обозленная бабушка с перемазанным луком и яйцом внуком вышла на следующей остановке, а в автобусе еще долго смеялись.

Результаты такой заботы уже сказывались – нет-нет, да и появлялись парни, штурмующие сидячие места в транспорте. Усевшись, они отгораживались от внешнего мира наушниками, гаджетом или притворялись спящими, и с пеной у рта доказывали, что никому они уступать место не обязаны. Они тоже люди, имеют такое же право на комфорт. Кто первым сел – того и место. Они платят налоги в Пенсионный фонд и больше ничего не должны пожилым людям. А женщины столько времени боролись за равноправие – вот и получили. Равенство – так равенство. Кто-то из таких "толкователей указов" разместил в интернете демотиватор: гламурная девушка с белозубой улыбкой пьет латте в уютном офисе, а на другой фото полуголый парень таскает тяжелые грузы. И далее – в транспорте он сидит, вальяжно раскинув ноги, а девушка стоит рядом, еле удерживаясь за поручень в набитом салоне. И подпись: "Справедливо! Кто тяжелее работал – тот и сидит". Чувствовалось влияние таких вот заботливых мам и бабушек, которые усаживали своего "милот"

го комочка" и замирали рядом навтытяжку. И он рос с мыслью: "Мама и бабушка всегда меня первым сажали, а сами стояли. Значит, я особенный и никому ничего не обязан". И выглядели такие "усидчивые" граждане, как правило, соответственно – сутуловатые, расхлябанные, с покатыми плечами, брюшком к тридцати годам и не очень ровными ногами, загребающими при ходьбе, как у утки. Голова, привыкшая склоняться над гаджетом, всегда наклонена, плечи – одно выше другого, и из-за постоянных наушников нарушен слух – то и дело переспрашивают: "А? Че? Не слышу?". Те еще красавцы. при этом сами себя они считают "нормальными мужиками", а тех, кто уступил женщине место или встал, когда она вошла в комнату, величают "подкаблучниками, испорченными бабским воспитанием" и смотрят на них свысока. "Было бы, чем гордиться, – насмешливо говорит о таких Ефим Коган. – Только тем, что у них ж... как у памятника, неподъемная? Считают себя самыми крутыми потому, что не уступают место в транспорте и считают женщин "вторым сортом"? А вот их бы в то ущелье в горах, где наша рота в "клещи" попала! Там бы я на них посмотрел, сразу стало бы ясно, кто подкаблучник, кто нормальный парень, а кто – настоящий мужчина! Там была самая лучшая проверка человеческих качеств... Или хотя бы на Ваську их, прошлой весной. Или в Джамете... Или на переправу, автобус на мосту ловить..."

Сам Ефим при своем остром языке был очень галантен

с женщинами и производил на них впечатление истинного денди. "Не видели они его дома", – хихикала Белла, вспоминая, как, изводясь на самоизоляции, они с мужем дошли до швыряния друг в друга трубкой радиотелефона и поваренной книгой "Итальянская кухня" подарочного формата...

"Томилины из Новгорода, – думала Наташа, – надо погуглить, может, они из "бывших"? Может, не случайно я назвала Вячеслава Маленьким Принцем?"

Томилин тоже искоса поглядывал, сидя чуть в отдалении. Многие мужчины любят вытягивать и широко раскидывать ноги или закидывать одну на другую так, что высоко задирается брючина. Но Вячеслав сидел, как примерный школьник за партой, и видно было, что это для него естественно; он не принуждает себя, ему и не хочется вести себя иначе. Даже будучи один в оранжерее – Наташа обратила внимание – он сидел прямо, как на светском рауте.

– Никогда еще не общался с литераторами так накоротке, – негромко сказал молодой человек и смущенно улыбнулся. – И с драматургами – тоже.

– Первый мой опыт в жанре драматургии, – призналась Наташа, – переложила в формат пьесы текст своего первого романа. Не знала, что у меня получится. Боялась, что тапками закидают, – "Так, и что это я? Напрашиваюсь на опровержения? Никогда не думала, что могу вот так кокетничать!"

– По-моему, получилось хорошо, – ответил Вячеслав. – И интересная идея – поставить пьесу из современной жизни, о

событиях, которые все еще хорошо помнят... Я читал "Узницу спецблока" пару лет назад, но не думал, что сыграю в ее постановке.

– А вы любите детективы? – спросила Наташа и тут же снова укорила себя в кокетстве. Она что, напрашивается на комплименты? Ведь Вячеславу будет просто неловко ответить ей честно, если детективы – не его любимый жанр.

– Люблю, если они написаны хорошо, – кивнул Томилин. – Кристи, Сименона, выборочно – Чейза. Раннего Акунина, о Фандорине и сестре Пелагии. Кое-что из Литвиновых, о Диме и Наде. И ваши, с недавних пор. Когда меня включили в состав "Развязки", я прочитал всю вашу подборку. Особенно понравились романы с хештегом "Основано на реальных событиях".

В его глазах блеснул интерес:

– Это правда, или рекламный ход?

– Правда, – ответила Наташа, – жизнь иногда подсовывает такие сюрпризы, что просто грех не взяться за ручку и тетрадь. А вы раньше играли в пьесах из современной жизни?

– Нет, все больше в классике. В Новгороде я играл Незнамова в "Без вины виноватых" и лорда Уиндермира, из "Веера леди Уиндермир". В Твери – Правдина в "Недоросле", Хлестакова в "Ревизоре" и эльфа Пэка в "Сон в летнюю ночь".

Сероглазое лицо молодого человека с обаятельными ямочками на щеках, тонкая гибкая фигура. Да, его и впрямь легко представить в роли озорного юноши-эльфа из шекспи-

ровской комедии. Да и в образе Гриши Незнамова он тоже, наверное, смотрелся убедительно. И почему ему сразу не дали в "Развязке" роль Уманского, а заставляли выходить на сцену в роли безымянного агента спецслужб с десятком реплик? Почему два года роль адвоката-интеллектуала играл киношный красавчик Чирков?

– Жаль, что я не видела вас в роли Пэка, – сказала она. – "Сон в летнюю ночь" – моя любимая комедия Шекспира, а Пэк – самый симпатичный персонаж.

– У меня есть видеозапись. Могу скинуть вам на вайбер или ватсап.

Наташа покраснела. Этими благами технического прогресса она так и не научилась пользоваться. У нее не было аккаунтов даже в Телеграме и Тиктоке. Инстаграм и Твиттер не обновлялись у нее годами; Наташа постоянно забывала о них и теряла пароли. "Тоже мне, популярная писательница. То, что ты в Фейсбуке, Контакте и Одноклассниках ведешь свои страницы, прекрасно. Но надо не отставать от жизни! Хоть ватсап заведи, не будь солохой!"

– Лучше в Фейсбук, – сказала она, – я там чаще бываю.

– Хорошо, – Вячеслав достал телефон, – я там тоже есть, – его пальцы бойко забегали по экрану. Блямкнул в сумке Наташин телефон. – Я вам запрос в друзья отправил. У вас там ограничение в Мессенджере.

– Да, пришлось поставить ограничение, что писать мне сообщения и комментарии могут только друзья, чтобы защи-

титься от хулиганов. А если под видом друга пролезет хейтер или просто тролль и начнет затевать склоки или просто оскорблять, – она открыла соцсеть в телефоне и приняла запрос, – с ним разговор короткий. Пошел в БАНю – и вся недолга.

– Понял, – рассмеялся Вячеслав. – В баню, то есть в бан. Все, видео уже у вас в личке. Обещаю вести себя хорошо на вашей странице и не хулиганить.

– Верю, – улыбнулась Наташа. – Спасибо за видео. Вечером дома посмотрю. А вы давно в Питере?

– Два года. С небольшим.

– А до этого работали в Твери?

– Да, пять лет.

– Скучаете по Новгороду?

– Я туда часто езжу. Скучаю, конечно.

Наташа спохватилась, что ее вопросы становятся все более личными. "Что я ему в душу лезу? Надо остановиться, а то еще начну интересоваться, гулял ли он в отрочестве с девочками и сколько раз с ними целовался!"

– А вы в самом деле служили в десанте? – Вячеслав потребил край папки с текстом. – Тут тоже указано, что роман написан на основе реальных событий из вашей жизни.

– Да, десять лет, – Наташа обрадовалась возможности сменить тему.

– Я впервые вижу женщину-десантника, – Томилин развернулся к ней всем телом и с любопытством посмотрел на

Наташу. – Туда и мужчин не всех берут, и не все выдерживают нагрузки. Вы, наверное, очень сильный человек.

Наташа радостно зарделась. Этот комплимент был ей приятнее всего.

Хозяевами этого вечера были режиссер Лаврецкий и Наташа – автор пьесы. Они встречали гостей, стоя на верхней площадке парадной лестницы.

Гости поспешно входили с улицы, где с пяти часов вечера небо было черным-черно от туч, периодически раскалывалось белыми и зелеными молниями, и лавиной шел дождь, заливая город. Щелкали, складываясь, зонтики, шелестели мокрые дождевые плащи, убираясь в пакеты. Гости предъявляли бдительным капельдинерам пригласительные билеты, сдавали пальто, плащи, зонты и пакеты в гардероб; дамы меняли уличную обувь на вечерние туфли и отходили к зеркалам, чтобы поправить прическу и макияж. На закрытый показ пришли родственники и друзья артистов и почетные гости из руководящих кругов города и области.

Приведя себя в порядок, зрители важно шествовали к лестнице, поднимались по ступенькам, здоровались и, перебрасываясь словечком с Наташей и Лаврецким, проходили в зал или фланировали по фойе.

Стоя рядом с режиссером, Наташа в длинном темно-синем платье в пол от Оскара де ла Ренты и непривычных туфлях в промежутках между улыбками и светской беседой, рас-

спрашивала Лаврецкого о новом исполнителе роли Уманского.

Не женат. Живет в театральном общежитии неподалеку от метро "Фрунзенская", в начале Московского проспекта. Соня – его соседка по лестничной площадке. Она – звукорежиссер театра, приехала из Твери одновременно с ним. Одну из главных ролей в "Развязке" Томилину не дали потому, что тогда он был еще новеньким и на него сначала хотели посмотреть во второстепенных ролях, прежде чем давать главную. А на Чиркова зрительницы хорошо шли. Когда он три года назад играл Паратова в "Бесприданнице", кассы брали штурмом...

Наташа поздоровалась с Игорем и Таней Никольскими. Игорь, невысокий, молчаливый сорокалетний мужчина в синем костюме и круглых очках, был адвокатом из юридической фирмы Когана и давним другом Ефима, Уланова, Наташи и Беллы. Семь лет назад он был одним из адвокатов Наташи.

Инга, жена Стаса Вяземского, пришла еще и с аккредитацией от своего журнала "Даззлинг", чтобы написать репортаж о спектакле для светской хроники Петербурга.

Ефим Коган бережно поддерживал жену под локоть на ступеньках. Белла сияла улыбкой. Под ее элегантным костюмом вишневого цвета от Гуччи уже обозначился небольшой аккуратный животик, и супруги выглядели вполне счастливыми. Выслушав от Беллы новости об оглашении вердикта

в Приморском суде, визите в женскую консультацию и само-чувствии "пузожителя", Наташа спросила:

– А Уланов задерживается? Я ему звонила два часа назад, и он не отвечал, а теперь вообще вне зоны доступа, как в песне...

Ефим и Белла смущенно переглянулись.

– Ммммм, – промычал Ефим, – а разве он тебе не сказал?

– По-моему, нет, – нахмурилась Наташа.

– Пока Фима прожует мочалку, я тебе скажу, – выпалила Белла. – В общем, он усвистал на вокзал, искать ближайший рейс до Ростова. Мы уже собирались ехать в театр, как вдруг ему позвонили, там в СИЗО что-то случилось с его подзащитной, вроде ее незаконно в карцер отправили или она заболела, а ей не оказали медпомощь. В общем, я не очень поняла, в чем суть проблемы, но Уланов схватил билет на 17.34 и погнал разруливать ситуевину...

– Так, – с горечью сказала Наташа, – а поехать хотя бы после спектакля, или завтра утром он не мог? Форс-мажор с Агнией подождать не может, а я – могу. Понятно.

– Да ладно, не расстраивайся, там, похоже, что-то серьезное, – забубнил Ефим. – Иначе он бы не уехал, он ведь хотел посмотреть спектакль...

– Ох уж эти мужики! – видя огорчение Наташи, Белла постаралась ее ободрить. – Отец до сих пор забывает дату свадьбы, а Фима подарок на Восьмое марта припер мне на следующее утро. Тоже заработался и забыл. Забей!

Наташа еле справилась с огорчением. Почему-то внезапный отъезд мужа сильно ее задел. Именно в день закрытого показа "Развязки" с новым артистом в роли Уманского! Но Белла права, Уланов, Коган, да и они сами – трудоголики, способные забыть обо всем на свете. И стоит ли обижаться? Не в первый раз, да, скорее всего, и не в последний. Тем более что все остальные гости уже пришли. Вот бабушка Уланова – в элегантном бежевом брючном костюме и белой кружевной блузке, с букетом тюльпанов. И Андрей Корин, друг Беллы из Кронштадта. И Василиса Егорова с Алешей Строковым. И Оля Еремеева, Ольчик, которую Наташа и Белла в прошлом году вытащили из нешуточной передраги...

И Наташа снова улыбнулась – все нормально! – и светски-вежливо приветствовала очередную пару гостей.

На спектакле Наташа сидела рядом с режиссером и директором театра в ложе и старалась не обращать внимание на пустое кресло рядом с собой. почему-то ее охватила обида на Уланова, который уехал именно в этот день, да еще вот так, по-английски, а она узнала об этом от друзей, когда поезд уже отмахивал километры на юг. "Это для остальных я – автор модной пьесы, мне будут аплодировать, когда артисты вызовут автора на поклон", – с горечью думала Наташа, пока на сцене Катя и ее вероломный возлюбленный прохаживались по Графской пристани под рев музыки и салют с площади Нахимова.

У Кати – грустное лицо. Ей только что пришлось расстаться с армией – с тем, что составляло смысл ее жизни в последние десять лет. Она любила свою службу, дело ее жизни, как у героев "Офицеров". Но менять присягу с такой же легкостью, с которой герой "Свадьбы в Малиновке" менял головные уборы, она не пожелала. И ее не прельстили даже более высокий оклад и внеочередное повышение. Она служила не за деньги и звездочки на погонах. А теперь все закончилось. Никогда уже не будет как раньше. И Катя не знала, как будет устраиваться на "гражданке".

Ее спутник смотрит на девушку участливо, понимающе, но с волчьим прищуром косится на вспышки салюта над белыми колоннами. Он похож на хищника, готового прыгнуть, вцепиться, рвать клыками. Уже ждет своего часа бомба, в закладке которой обвинят Катерину, а ее любимый от провала диверсии только выиграет и больше года не вспомнит о девушке, которая отвела от него дамоклов меч обвинения в подготовке теракта. И Катя не простит ему предательства...

"А для Уланова я – всего лишь жена, – с ожесточением думала Наташа, – перед которой можно тыняться по квартире в пижаме, заплевывать раковину зубной пастой, оставлять невытую кофейную чашку на столе, поздравить с днем рождения на следующий день, умотать к очередному подзащитному в день первого показа спектакля с обновленным составом и раздражаться в ответ на замечания: чем ты, мол, недовольна? Да скажи "спасибо", что такой классный парень, как

я, вообще на тебе женился..." – Навицкая светски-вежливо улыбнулась сидящим в соседней, правительственной, ложе сановным господам в дорогих костюмах и их нарядным, как картинки из "Вог" или "Эль" и в театральные бинокль нашла в зале, в первом ряду у прохода, Когана и Измайлову. Белла что-то шепнула мужу, когда на сцену вышла Алиса Астахова в косухе и рваных джинсах, напевая "Фонари гаснут, пора на крышу". Ефим улыбнулся и кивнул.

"Фима тоже не большой театрал, – растревляла себя Наташа, – но он знает, что Белла любит театр, и ради нее подогнал свои дела так, чтобы пойти с ней на "Развязку"!"

Но тут на сцене появился Вячеслав, в строгом темно-сером костюме, с гладко зачесанными назад и блестящими от парикмахерского воска волосами, с папкой под мышкой. Но глаза блестят взволнованно и сквозь бесстрастный профессионализм пробивается совсем не адвокатское волнение. Он не просто занимается очередным делом – он хочет спасти любимую женщину от сурового приговора за то, чего она не совершала; он уже поверил, что Катерина говорит правду: она невиновна. Вот только до обывателей это дошло намного позже. И то не до всех...

Сейчас Вячеслав был похож на Уланова – каким Витя был тогда. Влюбленный, взволнованный, готовый бороться и рисковать ради спасения своей подзащитной, которую он полюбил. А после свадьбы, – цинично подумала Наташа, – бороться уже не надо. Можно расслабиться. И как знать, по-

чему он так из штанов выпрыгивает ради этой Агнии, почему такая спешка – прыгнул в первый же поезд, полетел к ней, забив на все? Мы-то с ним так и познакомились – как заключенная и адвокат..."

События на сцене развивались. Хорошо выстроенный спектакль с новым артистом шел слаженно и "на кураже".

Каждый выход Томилина, Грозовской, Астаховой и Вяземского встречали аплодисментами. А когда артисты вышли на поклон, грянула такая овация, что в огромной люстре, тенькнув, лопнули две лампочки, а крики "Браво! Молодцы! Урааааа!" заглушили музыку.

На сцену со всех сторон побежали зрители с букетами и корзинами цветов. Ефим с Беллой снова пошептались – и Измайлова неожиданно легко для своего положения вспорхнула на сцену и вручила корзину со сложной и красивой композицией из пурпурных роз Вячеславу.

– Ого-го-оо-ооо! – завопила остальная труппа. Томилин залился такой же яркой краской, неловко перехватив корзину, и смущенно заулыбался. Стас Вяземский покосился на него с натянутой улыбкой и пару раз вяло шлепнул в ладоши. Когда-то они с Беллой несколько лет "крутили любовь", Стас ездил к ней на Котлин... Это было давно. Сейчас Белла отметила уже вторую годовщину свадьбы с Ефимом и ждала ребенка, а Стас и Инга готовились в июле отмечать ситцевую свадьбу... И все равно самолюбие покорителя женских сердец было уязвлено тем, что Белла вручила цветы Вячеславу.

– Режиссера! Ре-жис-се-ра!!! – заскандировал Стас, желая отвлечь внимание зала от роскошной корзины в руках у Томилина.

Грозовская и Астахова тут же закричали свое:

– Автора! Ав-то-ра!

– Идем, Натали, – Лаврецкий подал руку Наташе. – Это наш триумф. Мы его заслужили!

Навстречу им, с другой стороны, на сцену уже поднимался директор театра с двумя такими же роскошными корзинами. Подав руки Лаврецкому и Наташе, он произнес короткий спич об изменениях актерского состава "Развязки на Оккервиль" и о том, что главная тема спектакля – всепобеждающие любовь, дружба, верность долгу и самоотверженность, придающие сил в борьбе – никогда не устареет. Поцеловав руку Наташе, он вручил писательнице корзину. Вторую получил Лаврецкий. Зрители снова зааплодировали. Актеры, режиссер, писательница и директор театра снова вышли на поклон. Наташа оказалась рядом с Томилиным. Их глаза встретились.

– Поздравляю! – шепнул ей Вячеслав.

– И я вас тоже! Вы были великолепны!

Краем глаза Наташа увидела у сцены такую же сияющую Соню, которая восхищенно смотрела на Вячеслава, сжимая в руке букет тюльпанов.

– Слава, – Инесса тоже заметила Соню и указала Вячеславу глазами на нее.

Томилин наклонился, чтобы взять у девушки букет.

На фуршете Наташу снова усадили рядом с Вячеславом, и она заметила, что он растягивает на весь вечер один бокал сухого шампанского, вежливо, но непреклонно отказываясь от добавки и на общих перекурах просто присутствует рядом.

От шампанского и коньяка Наташа повеселела, горечь из-за несвоевременного отъезда мужа растаяла. Молодая женщина смеялась, шутила, поздравляла артистов и принимала поздравления сама. С блестящими глазами и ярким румянцем она в этот момент была похожа на юную девушку.

– Глаза не потеряй, – мрачно сказал Вячеславу Вяземский, цедя шестую порцию "Мартеля", когда Томилин после зажигательного фламенко проводил Наташу на место. – Не про вашу честь невеста, Юлий Капитоныч!

– Я вас не понимаю, – спокойно сказал Вячеслав, проходя к своему стулу.

– Не понимает он, – буркнул Вяземский. – Прямо, юный пионер. Официант, еще "Мартеля"!

Уланов приехал только через шесть дней. Из Пулкова он сбросил жене сообщение, но занятая рукописью Наташа даже не прочитала его. О прибытии мужа она узнала, только когда загремел замок в двери.

– Агнию отправили в карцер за мелкое нарушение дисциплины потому, что одна из надзирательниц ее невзлюбила, –

объяснил муж, – и обещала "сгнобить за то, что сильно грамотная и место свое не знает".

– Да, – деревянным голосом сказала Наташа, – когда-то ты ко мне так же носился в наш СИЗО, ко мне. А сейчас чего из-за меня париться? Я же всегда под боком и больше в тюрьме не сижу, под бедажку не канаю...

– И Агния объявила голодовку, – Уланов еще не замечал сгущающиеся тучи, – требуя обратить внимание на то, что надзирательница превышает свои должностные полномочия и занимается травлей...

– Да, ясно, – сухо сказала Наташа.

– А как прошла твоя премьера?

– Никак. Она будет только завтра. Был закрытый показ. Мог бы уже запомнить и не путать сладкое с мягким.

– Ты извини меня, – ответил Виктор, – после ночи в дороге я туго соображаю.

– Я поняла.

– Наташа, – Уланов наконец-то уловил, как накаляется атмосфера в кабинете жены, – что случилось? Ты за неделю ни разу не позвонила, не отправила СМС и сейчас...

– Фима мне объяснил. Что ты очень занят. С Агнией. А показ прошел отлично, – горько сказала Наташа, – вот только пустое кресло рядом со мной портило вид.

– Извини, – повторил муж, – я пытался позвонить тебе с вокзала, но ты не брала трубку, а потом я уже сел в поезд, и связь пропала...

– Ясно, – сухо кивнула Наташа, – мне за всю неделю не удосужился позвонить, а поезд до Ростова сию минуту нашел оперативненько так.

– Мне просто повезло... Я спросил ближайший рейс, и мне сказали, что он будет через час, скоро продажа билетов закроется, и мне посчастливилось схватить последнее место... Я же не просто так уехал, а потому, что мне позвонили из изолятора и сообщили о форс-мажорной ситуации, но на премьеру я пойду. Хотя, какая это премьера? Спектакль идет уже третий год, просто поменяли одного из артистов, и зачем это обставлять с такой помпой...

– А ты и не поймешь потому, что даже не пытаешься, – обиженно сказала Наташа, – это только я тебя всегда должна понимать, – она отложила ручку и встала.

– Ты пока отдыхай с дороги. Я прогуляюсь. Полдня работала. Голова разболелась.

Уланов растерянно смотрел ей вслед, но Наташа даже не обернулась.

Застегивая на ходу тонкую ветровку, Наташа вышла из парадного.

Шагая к повороту на Московский проспект, она обернулась и увидела, что муж стоит на балконе и провожает ее взглядом. Навицкая сердито отвернулась и прибавила шаг. "Все выглядит так, будто я – скандальная баба, надувшаяся на пустом месте, а он – подвижник и ударник соцтруда, – злилась молодая женщина на ходу. – Удивительно, как он

умеет все обращать в свою пользу: как же, пропустил спектакль потому, что горн позвал, что дело – превыше всего, уважение ему и уважуха, а я – вздорная мешаночка, думающая только о развлечениях! А то, что я битый час выглядывала его на лестнице, не зная, где он, что репортеры потом фотографировали пустое кресло в нашей ложе – это фигня. Хейтеры уже высказались по этому поводу: я, мол, так достала всех своими помойными книжечками, что мой муж просто не явился смотреть мою белиберду, а скоро мне придется вообще каждому читателю по бутылке коньяка ставить, лишь бы хоть кто-то меня читал... Мне, конечно, на таких, как говорит Фима, утырков наплевать с высокой кручи, но все равно было неприятно. И Уланов дал им повод так говорить, даже не сообщив мне своевременно о своем отъезде. Не буду же я объяснять каждому пустоболу, что мой муж уехал по срочной рабочей необходимости. Вот они и разрезвились на радостях: есть повод кого-то из селебритис тапками забросать!"

После майских праздников погода наконец-то наладилась, и уже второй день петербуржцы радовались солнечным дням. Через четверть часа Наташа остановилась и сняла ветровку, подставив руки и шею первому майскому солнцу.

Она миновала громаду Технологического института, пробралась по узким деревянным мосткам вдоль очередного строительного забора и вышла на старую часть Московского проспекта, которую очень любила. Это был один из уголков

классического Петербурга.

Настроение выравнивалось, и Наташа даже улыбнулась своей обиде на Уланова. Вот уж не думала, что способна вот так надуться по такому незначительному поводу. Сама она всегда иронично относилась к женщинам, готовым делать оскорбленный вид каждые пять минут и менять гнев на милость, увидев дорогостоящий подарок от "провинившегося"... "И чем они отличаются от "девчонок-красоток", – Наташа шаркнула ногой по очередному объявлению какой-то "Глаши", – только ценой. Те сразу озвучивают стоимость обслуживания за час, а эти хотят то шубку, то дизайнерские джинсы, то колье, то уик-энд на Лазурке..."

Да... Новенькое объявление некой Глаши сияло свежей желтой краской. Ничему девчонок жизнь не учит. Только год назад на весь Питер прогремела история штурма родильного дома имени Т на Васильевском острове, где главный врач Кристина Соколова, наладив контакты с местным криминалитетом, контролирующим секс-бизнес, проворачивала такие махинации, что содрогнулись даже самые толстокожие "читатели газет". Наташа и Белла видели заключительный акт – на берегу рассветной Смоленки, когда водолазы вытаскивали со дна тела кое-кого из "красоток", польстившихся на легкий и внушительный заработок... Ольчику Еремеевой повезло – она вовремя поняла, что нужно выходить из игры, и Наташа помогла ей в этом. Свою прошлую жизнь девочка старается забыть, как страшный сон. Но некоторым ее то-

варкам, попавшим в лапы Кристины Станиславовны, повезло куда меньше... А сейчас новые мотыльки доверчиво летят на огонь, думая, что их-то он точно не опалит...

Под другим объявлением "милашки Илоны" было написано: "СПИД в подарок!!!". "Что ж, пусть любители "веселых девочек" задумаются, нужен ли им такой бонус за час удовольствия", – подумала Наташа. Может, кого-то такое предостережение удержит от звонка по "асфальтовому номеру".

У "Фрунзенской" она купила стаканчик ристретто и свернула в скверик, чтобы спокойно выпить кофе и покурить на скамейке.

И вдруг из-за живой изгороди, за которой высился светло-зеленый бывший доходный дом, она услышала игру на гитаре и пение. Кто-то исполнял "Не думай о секундах свысока".

Наташа знала, что в этом пятиэтажном доме с мансардой расположилось общежитие театральных работников и артистов Лаврецкого, не имеющих своего жилья в Петербурге. Тут поселили и Томилина, и Соню Завьялову.

"Может, если "Развязка" с ним хорошо пойдет, он хоть квартиру сможет снять, – подумала Наташа, – такой талантливый артист, и довольствуется койкой в общежитии, стоит в очереди в ванную комнату и толкается в общей кухне. В светской хронике сплошь и рядом репортажи о резиденциях, нарядях и автомобилях знаменитостей с безумными ценами, а чем они лучше Вячеслава? Некоторые случайно "поймали

волну". Кому-то помогли связи. Кого-то грамотно раскрутили. Есть и талантливые люди, но их не так много, как хотелось бы. А вот поди: одни бахвалятся в "глянце" дизайнерскими стрингами стоимостью, как "жигули", а другие живут в общежитии..."

– У каждого мгновенья свой резон,

Свои колокола, своя отметина.

Мгновенья раздают кому позор,

Кому бесславье, а кому бессмертие... – гитара внезапно грянула так, что Наташа чуть не выронила сигарету и невольно подняла голову: не идет ли грозовая туча.

– Из крохотных мгновений соткан дождь,

Течет с небес вода обыкновенная.

И ты порой почти полжизни ждешь,

Когда оно придет, твое мгновение. – голос поющего зазвучал громче, сильнее, и Наташа узнала его. Она слышала его на сцене, на закрытом показе... И снова вспомнила Оккервиль. Вот уж точно, кому позор, кому бесславье... Вот насчет бессмертия пока неясно, досталось ли оно кому-то.

Она вошла в сад через приоткрытую калитку, и сразу увидела Вячеслава. Артист сидел в беседке в рваных джинсах, холщовой рубашке в этническом стиле, с кушаком. Волосы забраны под бандану. Томилин перебирал струны гитары и выглядел совершенно поглощенным музыкой и пением. От этого его лицо словно светилось изнутри, длинные ресницы трепетали, а на щеках играли трогательные ямочки.

Рядом с ним никого не было. Вячеслав пел для себя, а не для слушателей. Наташа смущенно остановилась за пушистой молодой сосенкой, пышно растопырившей свои свежие зеленые иголки. Наташа чувствовала себя так, будто подглядывает за чем-то, не предназначенным для посторонних глаз, вторгается в чье-то личное пространство.

Томилин допил "Мгновения", отпил воды из бутылки "Эдельвейс, негазированная", открыл тетрадку и какое-то время шевелил губами, читая текст. Потом взял гитару и проиграл отрывок новой, незнакомой мелодии. Что-то ему не понравилось, и Томилин нахмурился, черкая ручкой. Потом снова проиграл этот фрагмент, и остался доволен. С энтузиазмом проиграв целый куплет, артист что-то отметил в тетрадке и снова взял бутылку воды.

Наташа поняла, что Томилин подбирает мелодию к стихотворению. "Он еще поэт-бард? – подумала она. – А я и не знала. Впрочем, о нем до сих пор в театре мало что знают. Так, в общих чертах..."

Хлопнула калитка. В аллее появились, шелестя туго набитыми пакетами из "Ашана", две артистки второго плана. Одна из них играла в "Развязке" тюремную надзирательницу, от которой сбегает при этапировании Катя Савская.

– Ой, здравствуйте, Наталья Викторовна! – прошебетала Лера, розовощекая белокурая пышечка-поморка. В жизни она была милейшим человеком, и все поражались, как она на сцене превращается в злобную, алчную надзирательницу

– сущую мегеру и скрытую извращенку. Но некоторые зрители признавались, что у них всегда "мороз по коже от этой эсэсовки" и не узнавали Леру, когда та выходила из театра после спектакля, уже не в образе. А вот звучный голос ей даже вырабатывать не пришлось. Лерочке позавидовал бы даже Дфельсомино из сказки Родари.

– Это наш автор, – сообщила Лера своей подруге Светлане, не занятой в "Развязке", – Наталья Викторовна Навицкая!

– Здравствуйте, – принужденно улыбнулась Наташа, понимая, что через два часа все общежитие будет знать о ее визите. Лере и Свете будет, что обсудить, готовя ужин в общей кухне. Лера обожала посудачить об увиденных в театре, в телестудии, в офисе кинокомпании или в других уголках центра Питера знаменитостях. Каждая такая встреча вызывала у девушки восторг и бурю эмоций. "Девочки, – могла говорить с придыханием Лера, – представьте, я видела в буфете Нину Усатову! Она сидела за соседним столиком! Вау-ви!". Или: "Вы представляете, я иду, и вдруг подъезжает машина, выходит Михаил Боярский и идет в магазин... Ой, он такой классный! Ой, как жаль, что у меня не было, на чем расписаться! Я бы автограф попросила..." А то, что писательница Навицкая стояла за сосной в аллее и слушала пение Вячеслава – отличная тема для обстоятельного обсуждения со всеми "девочками", пока варится ужин.

Наташе пришлось выйти из укрытия и сделать вид, будто

она не стояла за деревом, а шла за Светой и Лерой.

Томилин услышал звонкое Лерочкино сопрано и поднялся, чтобы поприветствовать дам. Увидев Наташу, он улыбнулся ей:

– Вы в связи с завтрашней премьерой?

– Да, – вышла из положения Наташа, – я хотела обсудить с вами пару моментов в спектакле...

– Я вас слушаю, – Вячеслав отложил тетрадку и гитару.

– Извините, что отвлекла вас, – Наташа вошла в беседку и села.

– Ничего. Я уже закончил.

– Вы бард?

– Громко сказано, – смутился молодой человек, – так, иногда на досуге пишу тексты и подбираю к ним мелодию.

В сумке Наташи зазвонил телефон. Навицкая, не глядя, шлепнула рукой по сумке, и трель оборвалась.

– Пару раз ездил на фестивали, – добавил артист.

– А о чем пишете? – Наташа понимала, что снова заходит слишком далеко в расспросах, но слова помимо ее воли рвались с языка.

– О разном, – подумав, сказал Вячеслав. – О жизни... О людях. О дружбе и взаимовыручке. О тех краях, где я побывал и которые запали в душу.

– Я слышала из аллеи фрагменты мелодии к вашим стихам, – призналась Наташа, – и мне показалось, что песня – о зимней ночи в лесу.

– А почему вы так подумали? – с интересом взглянул на нее Вячеслав.

– Мне почудились в музыке завывание северного ветра и скрип замерзших деревьев, – пояснила Наташа. – Зимой я часто езжу за город, кататься на лыжах, и в пролеске завывает и трещит точно так же, если прихватывает морозец.

– Верно, – ямочки на щеках Вячеслава заиграли ярче. – Только я, когда придумывал текст, видел перед собой окрестности Новгорода. Все время вспоминал знакомые места. Вы знаете, – признался он, – я в детстве все мечтал совершить подвиг, думал: если кто-нибудь заблудится зимой в наших лесах, я его спасу. Я несколько лет состоял в кружке скаутов-следопытов... Пионеррию уже не застал, даже октябренком не был... Нас учили ориентированию на местности, правилам выживания в дикой природе. И почему-то в моих мечтах всегда фигурировала именно зимняя ночь. Вот об этом и песня, – он достал штатив, стал крепить на нем телефон. – Я ее сейчас запишу, а вечером подберу видеоряд и скомпоную. Хотите послушать? Или у вас что-то срочное?

– Охотно послушаю, – Наташа была рада новой отсрочке – может, за это время она придумает какой-нибудь уважительный предлог, объясняющий ее визит.

Вячеслав установил штатив, включил видеозапись, подкрутил колки гитары и сел на скамейку напротив телефона, взволнованно поглядывая на Наташу: понравится ли песня ей, первой слушательнице.

Наташа сидела, затаив дыхание и боясь спугнуть очарование этого момента. Хоть бы не скрипнула скамейка, не звякнула пряжка сумки, не заорал некстати телефон, разрушив своим противным визгом магию этого майского дня с его ослепительно-синим небом, головокружительным ароматом сирени и воодушевленно блестящими глазами Вячеслава напротив нее.

– Деревья пятятся назад,
Туда, где светится закат,
Где серебрятся облака,

Деревья пятятся назад, – глубоким чистым баритоном запел Томилин, и Наташа сразу представила себе ранний зимний закат над лесом, ясное небо цвета малинового сиропа с медом, сверкающий всеми цветами радуги под лучами заходящего солнца снег – и недружелюбно чернеющую на другом конце белого поля лесополосу... И бегущего к ней через поле на лыжах совсем еще юного, охваченного тревогой Славу Томилина...

– А мне – вперед, а мне – туда,
Где чернота, где темнота,
Где гневно стонут провода,
Где бродит чья-нибудь беда,
Где руки тянет человек -
А всюду только белый снег,
И не дыханье, и не смех -
Холодный льдистый белый снег...

Наташа хорошо помнила, как шесть лет назад сама была в такой же ловушке. Ее планомерно загоняли за красные флажки, и никому до этого не было дела, никто из благополучных обывателей не видел, как рядом гибнет молодая женщина. И она – пусть это и происходило летом – была, как в том самом белом, холодном, льдистом плену без надежды на спасение, не видя выхода. И, если бы не Белла, Фима, Витя и Игорь... Если бы они вот так же не поспешили "туда, где стоит чья-нибудь беда"... "Не знаю, была бы я сейчас жива..."

– Деревья пятятся назад

И приглушают голоса -

Там солнце, небо, там сады,

И что им до чужой беды!

Наташа вздохнула, чувствуя, как сжимается горло от волнения – редкое явление. Она поразилась: как Вячеслав, с которым они были едва знакомы, почти дословно несколькими песенными фразами воспроизвел то, что случилось с ней в те месяцы – в марте 2014-го и в июне 2015-го года; испытания, которые обрушились на нее, ту безвыходную ситуацию, в которой она оказалась, и друзей, готовых прийти на помощь; готовность бороться с обстоятельствами и с самим собой, побороть нерешительность, страх, мысли "как бы самому не встрать". Не отступить, философски рассуждая "если жизнь ставит тебе препоны, лучше отступить" или "А может, у него судьба такая, замерзнуть в лесу, чтобы волчица могла сытно поужинать и досыта накормить молоком своих

волчат; таковы законы природы, и вообще, сейчас по телеку "Зенит – Торпедо" покажут!". И пусть благоразумные обыватели хоть висок себе пальцем прокрутят, глядя на чудака, сорвавшегося из теплого дома в ночной лес за каким-то заблудившимся рохлей: "Нам-то что? Не наша печаль; так ему, сукину сыну, пусть выбирается сам!" ... Но Слава так не может. Для него нет чужой беды, и он всегда готов протянуть руку помощи.

– Тихонько отступает дуб,
А я шагаю в темноту,
И рвется из-под ног земля -
Там человек!
Такой, как я!
Там человек!

Он должен жить -

Шутить, смеяться и дружить, – голос Вячеслава напряженно зазвенел, в нем звучал не надрыв, а тот самый вызов, брошенный стихии, обстоятельствам, благоразумным обывателям у телевизоров и даже самому себе; всем препонам – ради спасения попавшего в беду.

– Шаг. Снова шаг. И три шага...

Вячеслав выдержал паузу. И в следующей музыкальной фразе зимний лес зазвучал уже иначе – уже не зловещие черные дебри, где за каждым деревом видится опасность, а простой зимний лес, залитый лунным светом и совсем не страшный. А через поле, назад к деревне, потянулись следы уже

двух пар ног.

– И расступаются снега! – торжественно заключил певец, опустив руку на струны, и Наташа улыбнулась вместе с ним. Спасатель успел. Заблудившийся в лесу человек спасен. И даже стихия затихла перед такой самоотверженностью и решимостью.

Не удержавшись, она зааплодировала, а Томилин смущенно покраснел. Потом снял телефон со штатива и спросил:

– Я вижу, вам понравилась песня?

– Не то слово, – искренне ответила Наташа. – Это потрясающе! Вы знаете, сейчас в тренде другие тексты, более соответствующие концепции целевой аудитории, как любит говорить одна из редакторов издательства, которое публикует мои книги, доминирует принцип "каждый сам за себя", "ты никому ничего не должен", "люби себя – чихай на других", и молодежь с восторгом это принимает и перенимает. А ведь сострадание и взаимовыручка вовсе не устарели, как бы ни думали такие "модники". Это вечные ценности, которые сейчас нужны, как никогда, иначе нам будет все тяжелее в социуме... да и социума не будет, если каждый будет заботиться только о своей заднице, извините за грубость...

– А мне кажется, что в паре мест музыка немного не стыкуется со словами, и в середине я спел не так, как мог бы, – сказал Вячеслав. – Сделаю еще пару вариантов, надо будет выбрать для клипа лучшую. Так что вы хотели обсудить со мной в связи с премьерой? – спохватился он. – Я вас слушаю.

Наташа смутилась, сообразив, что так и не придумала убедительную причину и не знала, как выйти из трудной ситуации. Вячеслав внимательно смотрел на нее, ожидая, но без понимающей самодовольной мужской ухмылки, как смотрел на своих фанаток у служебного входа избалованный женским вниманием Стас Вяземский. Когда очередная обожательница встречала его около театра или киностудии, сделав вид, что просто случайно проходила мимо, и с волнением просила у кумира автограф или селфи, Стас усмехался, всем своим видом говоря: "Знаю-знаю, много тут вас случайно мимо ходит, да и вижу, что ты тут уже долгонько стоишь!".

Ей пришлось спешно придумать какой-то вопрос насчет раскрытия образа Уманского и вероятности того, что первое время зрители будут сравнивать Вячеслава с Чирковым и жалеть о замене (в особенности обалдевшие от киношной красоты героя-любовника экзальтированные девицы-"сырихи").

– Это их право на собственное мнение и на его выражение, – ответил Вячеслав, – пусть выскажутся, это лучше, чем носить негатив в себе и копить его. И из-за хейтеров я не расстраиваюсь. У них такая работа – кого-нибудь не любить. Надо же людям как-то зарабатывать себе на жизнь.

– Да, кто-то трудится, создает произведение, картину, скульптуру, играет роль, поет, а кто-то разносит их труды в пух и прах в отзывах, – сказала Наташа. – Или ходят по кафе, магазинам и отелям и выискивают там огрехи. Или кому-то

звонят от чужого имени. Это напоминает мне телефонную игру времен моего детства: "Это зоопарк? Нет. А почему обезьяна снимает трубку?" и за это имеют и доходы, и лайки, и восторженных фанатов.

– Пранкеры? – уточнил Вячеслав. – Кстати, я сам в детстве немного развлекался таким образом, – рассмеялся он. – Пока не нарвался на человека с определителем номера. Он нашел наш адрес по телефонной книге, приехал, устроил моим родителям скандал... – он артистично выдержал паузу, озорно поблескивая глазами. – И больше я зоопарк по телефону не разыскивал!

Наташа рассмеялась вместе с ним, подумав, что у многих артистов есть такая черта: они играют даже вне сцены, перед одним "зрителем". Вот и Томилин очень остроумно рассказал ей о своих детских шалостях и последующей расплате.

– Видно, пранкеры в детстве ни разу не нарвались на человека с АОН, вот и продолжают "игру в зоопарк", – сказала она. – Или им просто в кайф одурачить какого-нибудь важного сановного господина и потом уматываться над ним: вот, ты весь такой надутый и высокопоставленный, а я, славный парниша, так классно тебя развел!

Повышают самооценку, наверное, – предположил Вячеслав. – Для некоторых людей высокая самооценка очень важна. И я не раз встречал людей, любящих тешить свое самолюбие за чужой счет.

Наташе понравились его лаконичные остроумные форму-

лировки. Томилин – не только прекрасный артист, но еще и умный, наблюдательный человек. "И привлекательный", – пришла на ум мыслишка, удивившая ее. В самом деле, Вячеслав все больше напоминал ей выросшего героя Экзюпери, мальчика в желтом шарфе, бережно накрывающего стеклянным колпаком от ночного холода капризную красавицу-розу...

Домой она возвращалась в хорошем настроении, напевая то "Ромашки" Земфиры, то новую песню Вячеслава.

Дома Наташа улыбнулась Уланову и поцеловала его; сунула в морозилку две пиццы и залила молоком шоколадные хлопья для Младшенького и до "Вечерней сказки" играла с мальчиком в железную дорогу.

– Рад, что ты больше не обижаешься, – сказал ей муж, когда они курили на балконе, уложив сынишку спать, – мне на самом деле очень жаль, что я так тебя подвел со спектаклем. С удовольствием пойду завтра на премьеру, слово чести!

– Как ни странно, я тебе верю, господин адвокат, – ответила Наташа. – Надеюсь, тебе понравится новый исполнитель роли тебя!

Приехав в театр в начале июня, Наташа сразу поднялась в административное крыло, гадая, с какой радости Костя вдруг высвистел ее "в срочном порядке" в театр. Он обещал какую-то сногшибательную новость, совершенно заинтриговав молодую женщину.

Поднимаясь по широкой мраморной лестнице последнего пролета, Наташа услышала из коридора возбужденный женский голос: "Я пойду в профком, к директору театра... Он не имеет права!" – и узнала голос Сони Завьяловой, звукорежиссера. Мужчина ответил ей: "Не надо, Соня. У тебя потом могут возникнуть проблемы". Это был Вячеслав, но его голос прозвучал так тускло, будто артист обессилел после тяжелой болезни, был едва жив от усталости или же подкошен горем.

Наташа поднялась в коридор и увидела их под портретом одного из основоположников театра. Вячеслав поник в кресле, уронив руки на колени; меж бровей появилась складка, а ямочки на щеках исчезли. Соня развернула кресло к нему и держит друга за руку. В отличие от поникшего Вячеслава, она раскраснелась и гневно сверкает глазами.

– Ну и пусть неприятности, – в запале сказала она, – если смолчать, он и дальше будет самодурствовать. Безнаказанность ударяет в голову, и... – она осеклась, увидев Наташу. О дружбе Навицкой с режиссером знали все, и Завьялова жалела, что в пылу гнева могла сказать что-то лишнее, не предназначенное для Наташиных ушей.

Вячеслав инстинктивно поднялся при виде Наташи.

– Здравствуйте, Наталья Викторовна.

– Что-то случилось? – спросила Наташа после обмена приветствиями.

Вячеслав ответил не сразу. Он глубоко вздохнул:

– Мой отец... Неделю назад его госпитализировали. Ковид, 75% поражения легких... Он работал экскурсоводом, ездил с туристами в автобусные туры...

– Ужасная история, – подхватила Соня, – до чего же есть безответственные люди, которым наплевать на все, кроме собственных прихотей. И их даже под суд теперь не отдашь...

По словам Завьяловой, в одном из туров в первой половине мая оказалась семья – родители, бабушка и двое внуков, мальчик и девочка дошкольного возраста. Проблемы с ними начались сразу же. Вячеслав Томилин-старший сменил в автобусе петербургского гида и начал рассказывать об истории Новгородской области. И вдруг бабушка сочно чмокнула внука в макушку, просюсюкала про "щечки и волосятки", а потом обернулась к внучке и громко спросила: "Котенок, хочешь псссь?" Так она выступала несколько раз, прерывая экскурсовода, а на замечания реагировала возмущенно: "Мне надо, чтобы внуки были в порядке! Подумаешь, важность, всего-то спросила! На секунду отвлекла, и уже недовольны! Это же дети!"

Родители малышей невозмутимо уткнулись в свои телефоны, порекомендовав детей хлопотливой бабушке.

В Софийском соборе дети начали с гиканьем, хохотом и воплями носиться друг за другом, и недовольная мать, которой они помешали выбрать самую красивую витую цепочку к крестику, с кислым видом вывела их на улицу. В му-

зее деревянного зодчества мальчик попытался вскарабкаться на колодец; ему этого не позволили, и он зычно заревел. В "детинце" они закидали камнями один из колоколов, и отец, бурча, посадил сынишку себе на плечи: "Сдурел? Нас ща так штрафанут!".

За обедом в уютном кафе "Центр" семейство оставило после себя такой стол, как будто за ним гуляли подпившие гусары.

Когда группа шла по улице пяти соборов, мальчик суксился и начал чихать. Бабушка радостно комментировала: "Апчхи! Вот так! И еще раз!", а мать, когда ее попросили надеть на ребенка маску, огрызнулась: "Он еще маленький, не понимает, срывает ее! И вообще, у ребенка аллергия на чьи-то вонючие духаны! Дети не болеют ковидом! Если бы пьяный мужик чихал, вы бы и не вякнули, а дети прям всех бесят!"

Томилин-старший имел стойкие противопоказания и отвод от вакцинации по состоянию здоровья. Он несколько раз пытался отойти подальше от семьи с чихающим мальчиком, но родители настойчиво сокращали расстояние: "Мы хотим слышать! Мы заплатили за тур! Почему мы должны уши напягать? Вы бы еще вон с той колокольни рассказывали!"

Через несколько дней экскурсовод почувствовал недомогание. ПЦР выдал положительный результат. Еще через три дня Томилина-старшего в тяжелом состоянии забрали в ковидный бокс. Шесть дней он лежал под ИВЛ. А вчера впал

в кому, из которой уже не вышел. Два часа назад Вячеславу сообщила об этом по телефону мать. А когда артист обратился к режиссеру с просьбой дать ему положенные в данном случае три дня, Лаврецкий отказал...

– И о чем только думали эти идиоты, когда повезли на экскурсию больного ребенка, – возмущалась Соня, завершая рассказ, – интересно, сколько еще человек из этой группы заболели после поездки с этим Принцем Чихальей! Они, видите ли, купили тур и не хотели, чтобы билеты пропали... Остальное им пофигу. А Лаврецкий беспокоится только о том, что завтра в театре будут играть для почетных гостей, и не отпускает Славу на похороны отца...

Вячеслав поднял голову, и Наташа увидела в его глазах такую бездну горя и обиды, что закружилась голова. И вспомнилась его майская песня о темноте, где бродит чья-то беда, и о стремлении спасти попавшего в смертельную ловушку человека, выручить, помочь...

– Не пускает? – спросила она, поднимаясь. – Важные гости? Нельзя перенести спектакль? Ладно. Сейчас разберусь.

– Не надо... – начал, было, Вячеслав, но Наташа уже спешила в кабинет главного режиссера, и даже спина ее выражала решимость и угрозу.

– На месте Лаврецкого я бы сейчас не рискнула с ней спорить, – задумчиво сказала Соня, – во всяком случае, я сейчас Лаврецкому не завидую...

Вячеслав помолчал. А потом сказал:

– Я ведь даже не знал, что отец в больнице. Сначала он, наверное, не хотел нас грузить, надеялся, что обойдется, а потом... Не знаю, почему мама мне не позвонила, пока он был еще жив.

– Все равно ты бы ему уже не помог.

– Да, я это понимаю. Но все равно... – Вячеслав не закончил фразу.

Лаврецкий улыбнулся и вышел из-за большого стола навстречу Наташе, еще не видя выражения ее лица и того, какой тяжелой походкой она вошла в кабинет.

– Натали! – воскликнул он. – Чай-кофе-потанцуем? Ты знаешь, КАКИЕ люди заинтересовались твоей "Развязкой"? Ну вот, они получили приглашение и завтра будут здесь в ВИП-ложе! Натали, это триумф! Беги скорее в Пассаж за подобающим платьем! От де ла Ренты ты уже была одета на закрытом показе, а сейчас, думаю, Вествуд в самый раз подойдет. И туфли, от Джимми Чу! Я знаю, ты не любишь каблуки, – он придиричиво посмотрел на Наташу, – но сама представь, сколько там будет прессы! Ты должна блистать, ведь ты – автор топовой пьесы, модная писательница! Яр-ко-красная гамма будет – то, что надо! И макияж сделай в бьюти-центре у лучшего мастера! А почему ты молчишь? – запоздало удивился он. – И не садись!

– Костя, твою мать, ты совсем охренел? – на правах давней подруги Наташе сходило с рук подобное обращение, –

какая Вествуд, какой Чу?! Я не думала, что ты на такое способен! По закону работодатель обязан предоставить сотруднику трехдневный отпуск в связи со свадьбой или похоронами родственника, и за отказ можно и на судебный иск нарваться!

– Та-ак, – Лаврецкий вернулся за стол, – доложили уже. Завьялова тут только что тоже угрозами сыпала...

– Костя, ты не только закон нарушаешь, – уперлась ладонями в стол Наташа, – но и ведешь себя аморально. Вячеслав только что объяснил тебе, какое у него горе. А ты не отпускаешь его, чтобы он мог по-христиански проститься с отцом и всю балагуришь, обсуждая со мной шмотки и макияж! Я от тебя такого не ожидала.

– Ну как я могу отпустить его сейчас? – Лаврецкий, как ошпаренный, вскочил и заметался по кабинету. – Вы меня что, тоже доконать хотите? В какое положение вы меня ставите? Я пригласил на "Развязку" ТАКИХ людей! И что теперь? Отказать им? Отменить спектакль? Да нас после этого разве что "Чебурашку" перед детсадовцами играть выпустят!

– А что, твои гости не поймут, если ты объяснишь им, из-за чего отменили спектакль? – склонила набок голову Наташа. – Они что, роботы, не имеющие семьи и не способные понять, как тяжело терять близких? Моего отца нет уже 16 лет, но я до сих пор благодарна командиру, который отпустил меня на три дня с учений, чтобы я могла проводить близкого человека. А если им на это наплевать, и они дума-

ют, что шоу маст гоу, и, если они купили билеты – им все должны...

Она глубоко вздохнула, совсем как Вячеслав.

– То я в таком случае тоже не хочу для них наряжаться, улыбаться, позировать перед прессой и вообще участвовать в этом фаршированном цирке. Когда человека не пускают на похороны родного отца и вместо этого заставляют скакать по сцене, развлекая элитную публику... – Наташа стиснула зубы и процедила:

– Это мерзко и не по-человечески. Как гладиаторские бои, на которых бойцы калечили и убивали друг друга на потеху сытой самодовольной публике, – она отошла к окну и стала закуривать, чтобы Лаврецкий не увидел, как ее глаза наполнились слезами. Женщин, рыдающих по любому поводу или умело добивающихся желаемого при помощи картинных всхлипываний прижатого к глазам платочка Навицкая презирала и не хотела, чтобы Костя видел ее слабость.

– Он же за три дня не обернется, – безнадежно пробормотал режиссер, – как сейчас автобусы ходят, ты знаешь: то сломался, то перенесли время, то рейс отменили, то пробки... Понять-то они все поймут, но если я объявлю, что спектакль перенесен на такое-то число, а Слава на обратном пути в пробке застрянет и не успеет... Мне сорок семь лет, а в этом возрасте под гору катиться больно...

– Если дело в этом, – обернулась Наташа, – я сама отвезу и привезу его на своей машине. У меня внедорожник; со-

седнюю область я тоже хорошо знаю, и у меня в машине помощник и навигатор с картой. Он мне и пробки покажет, и посоветует, как их миновать.

– И с какой стати ты его повезешь?

– С такой, Костя, – негромко сказала Наташа, – что нужно помогать людям. Сегодня я кого-то выручила, завтра мне кто-то плечо подставит. Только так и выживем. А "Любить себя, чихать на других" – помнишь, ЧБЕ это было главное правило? Мультки в детстве смотрел?

– Смотри, как бы твое великодушие превратно не истолковали, – предостерег ее режиссер. – Вчера в актёрском буфете две субретки с буффоном шептались о тебе и Томилине...

"Лера все-таки растрепала? Или Стас со своим острым языком отпустил пару комментов? Блин... Ладно, пофиг!"

– Пусть говорят, – ответила она, – мне, извини за мой плохой французский, ср... на фейкометчиков. Люди, чьим мнением я дорожу, знают меня и поверят мне, а не сплетникам. А до тех, кто развешивает уши на любой пустой треп, мне нет дела!

– Научи меня так же относиться к "княгине Марье Алексевне", – попросил Лаврецкий с тоской.

– Прямо "Ералаш": "Научи плохому!"... Сам учись, Костя. Мне никто не помогал. Так ты отпустишь Вячеслава и перенесешь спектакль?

– Давай, вей дальше из меня веревки, – воздел руки к по-

толку Лаврецкий, – признаю, слаб, и поэтому из меня не то, что веревки – коврики можно плести! Особенно вы, милые дамы, в макраме преуспели! Четыре дня. Три – на печальные дела, один – на дорогу туда-назад. Но чтобы в воскресенье, как штык, стоял на сцене! И ни минутой позже, и не проси!

– Спасибо, Костя, – Наташа пожала ему руку.

Выйдя из кабинета, она сразу увидела Вячеслава и Софью в креслах.

"А может, Соня кому-то проговорилась? Да нет. Она не стала бы распускать слухи о Вячеславе. Это очевидно: она его любит и не будет распространять или поддерживать фейки о нем. А как он к ней относится?.. По его лицу трудно понять. Он научился безукоризненно владеть собой..."

– Вячеслав, – сказала она артисту, с надеждой поднявшемуся ей навстречу, – быстро поезжайте в общежитие, возьмите все, что необходимо для поездки, и через полтора часа я подъеду к общежитию на машине.

– Разрешил? – ахнула Соня.

– Мне неловко вас обременять, – начал, было, Вячеслав, но Наташа его оборвала:

– Вы ведь хотите доехать и вернуться, не теряя времени? Тогда поспешите. Лаврецкий дал вам четыре дня. Счет уже пошел. Не спорьте. Через полтора часа я жду вас около общежития.

Времени было мало, но Наташа привыкла собираться

быстро. На всякий случай небольшая, но удобная дорожная сумка всегда лежала наготове в гардеробной. Наташа раскрыла ее и сложила белье, туалетные принадлежности, джинсы, водолазку и футболку. На всякий случай – свитер. Длинное черное платье и платок. Тетрадь с черновиком нового романа и ручку. Туфли к платью. Зарядное устройство и наушники для телефона.

И вдруг, неизвестно зачем, добавила к стандартному дорожному набору стеклянную баночку цвета закатного неба – маску для лица "Овернайт", подарок Беллы на день рождения. Лицо после этой маски выглядело свежим и цветущим весь день; исчезали все приметы возраста. Потом, подумав, бросила в сумку и алый флакон духов "Гуччи Руж".

Уланов с интересом наблюдал за ее сборами, стоя на пороге гардеробной.

– Странный набор, – заметил он, увидев красный стеклянный прямоугольник и синюю баночку, – а дождевой плащ и купальник ты не берешь?

– Беру, – Наташа ткнула кулаком в уложенные вещи, освобождая место для купального костюма и дождевика.

– Черное платье и платок – понятно, ты едешь на скорбную церемонию, – продолжал Виктор, – даже не спрашиваю, куда и к кому. Белье и одежда – тоже ясно: уезжаешь на 2-3 дня. Дорожный набор по уходу за собой – знаю, ты не любишь ходить неопрятной. Купальник – значит, место назначения – у воды, где есть пляж или место для "дикого" купа-

ния, и у тебя будет время окунуться. А вот маска и духи ставят меня в логический тупик... – он потер переносицу.

– Ты еще скажи "Эт-то раз, эт-то два", как Эраст Петрович, – чуть улыбнулась Наташа, – как ты ловко продедуктировал, куда, зачем и на сколько дней я еду.

Она застегнула сумку и сказала:

– Ты прав. Я еду в Новгород и думаю, что там смогу хоть раз добраться до волховских пляжей. И повод ты тоже угадал, – Наташа вышла в прихожую и взяла легкие кроссовки, в которых было удобно вести машину. – У одного из наших артистов, – сказав "наших", она даже не удивилась; да, за два года "Развязки" на сцене театр Лаврецкого и его артисты стали для нее "своими", – сегодня утром не стало отца. Лаврецкий не хотел его отпускать, боясь, что на дороге случится большая пробка или отменят рейс, а в театре ждут важных "шишек" и больше, чем на три-четыре дня спектакль отложить не могут. И я вызвалась помочь парню.

– Томилину? – спросил Уланов.

– Да, – Наташа набросила тонкую ветровку. – Витя, я вспомнила, как получила такую же новость на совместных учениях в Геническе. Полковник Григорьев отпустил меня на три дня. Я была ему очень благодарна за это.

– Я понял, – кивнул муж. – Но разве Лаврецкий имел право отказать человеку в таком случае?..

– Витя, не будь наивным, – Наташа закинула ремень сумки на плечо, – есть такие хозяйчики, которые права человека и

законы имеют... в виду, и это сходит им с рук. Сам знаешь.

– Да. Сталкиваюсь в своей практике.

– Поцелуй за меня Младшенького, – Наташа обняла мужа, – передай, что я привезу ему кучу новгородских игрушек.

– Хорошей дороги и благополучного возвращения, – пожелал Виктор.

Наташа бросила сумку в огромный багажник "круизера" и села за руль, бросив ветровку на заднее сиденье.

Закурив, она включила магнитола, и "круизер", утробно рывкнув, двинулся к повороту на Московский проспект.

– Облака в небо спрятались, звезды пьяные смотрят вниз, – хрипловато пел солист рок-группы, – в дебри сказочной тайги падают они...

"Снова ночь в зимнем лесу, – подумала Наташа, – что же эта тема меня преследует?"

Певец как раз дошел до черных сказок белой зимы и розового снега даже во сне, когда Наташа подъехала к общежитию. До назначенного времени оставалось еще десять минут, но Вячеслав уже стоял у калитки – в черных джинсах, зеленой спортивной куртке и кроссовках. За спиной топорщился рюкзачок с мордой какого-то кошачьего хищника, а глаза прятались за зеркальными очками.

Наташа просигналила ему, и парень подошел к джипу.

– Ого, – сказал он. – Серьезная машина.

– Самая удобная в городе и вне его, – Наташа открыла

багажник. – Кладите рюкзак. Садитесь впереди.

Вячеслав вскарабкался на подножку и расстегнул куртку. Под ней оказалась черная рубашка-поло.

– Не знаю, как буду играть, когда вернусь, – сказал он, пристегиваясь ремнем безопасности, – кажется, всё перезабыл. Совсем выбит из колеи, – очки он так и не снял.

Наташа промолчала, только понимающе посмотрела на него. Сама она помнила, как, вернувшись в Геническ, первые два дня была как в тумане. Зато потом, наслушавшись воплей "Твою мать, опять тупишь!", "Тормозишь, как баба" и "Ж...рукое убоище", она неожиданно обозлилась и на итоговых испытаниях выдала самые лучшие результаты, представляя, что бьет, забрасывает гранатами и расстреливает здорового краснорожего комбата, майора Мелешко, постоянно орущего на нее: "Тупишь! Баба! Иди, мужу носки стирай! Руки из задницы!".

"А я специально тебя злил, – сказал ей впоследствии Мелешко, – чтобы из скорлупы вытащить, в которой ты все глубже застревала. Мужика бы я еще и по уху съездил. Хотел, чтобы ты на меня обозлилась, даже возненавидела – это были бы уже живые эмоции, а то приехала ты, как на автопилоте, и могла надолго застрять в этом состоянии. Признайся, хотела ведь меня гранатой размазать или очередь всандалить?" "Хотела, – призналась Наташа. "Итак, я своего добился, вызвал у тебя сильные чувства, вывел из ступора. Так быстрее попускает", – вздохнул майор, бывший "афганец",

хорошо знающий, что такое горе и потери. Но Вячеслав, наверное, справится сам, без "тактики Мелешко", – подумала Наташа, выезжая на прямой, как стрела, проспект и включая навигатор.

– Мурррр, маршрут построен, – голосом мультяшного кота Гарфилда мяукнул навигатор.

Они ехали в сторону Купчина.

Сбоку за окнами появились ограда и купола Новодевичьего монастыря на Московских воротах, куда часто ходила на службы Белла. Наташа перехватила руль левой рукой, а правой перекрестилась на купола. Вячеслав последовал ее примеру.

– Вернусь в Питер, приму крещение, – сказал он. – Давно уже собираюсь. В детстве дед не разрешил меня крестить, он был партийным... И до последнего не верил, что СССР может рухнуть...

"А почему ты не крестился в Новгороде? – подумала Наташа. – Там храмов и соборов, пожалуй, больше, чем здесь".

Потом она снова урезонила себя за повышенный интерес к чужой жизни и снова появившийся вопрос "Сколько же ему лет?"

Они проехали мимо арки Московских ворот, за которой начиналась вторая, более новая, современная часть проспекта. Наташа и Вячеслав молчали. Снова пела "Агата Кристи", о "любви, как на войне", где герой в сердцах бросает девуш-

ке:

– ... Я сказал: «Успокойся и рот закрой.

Вот и все. До свидания, черт с тобой!»...

– И зачем держаться за отношения, если они уже дошли до такой стадии, – нарушил молчание Томилин, блеснув зеркальными очками. – Хотя, не мне об этом судить...

– У нас с мужем прошлой весной так было, – вздохнула Наташа, – уже на десятый день "намоизоляции" мы едва выдерживали общество друг друга. Знаете, иногда готовы были вместо "доброе утро" в пеший тур друг друга посылать.

– Мир сильно изменился за эти полтора года, и скорее всего, не в лучшую сторону, – Томилин все еще не снимал очки, хотя солнце за окном давно ушло за облако, и Наташа догадалась, что за зеркальными стеклами артист прячет красные от слез глаза. – Люди стали нервными, подозрительными. У кого-то распалась семья, кто-то потерял бизнес; лишился работы. У моей старшей сестры в Новгороде магазин одежды еле удержался, а кто-то не смог оплачивать аренду неработающего помещения... И мы несколько месяцев сидели без работы. Было тяжело. И в моральном плане – тоже. Одно дело – играть спектакль для зрителей и чувствовать реакцию зала, и совсем другое – перед пустыми рядами и видеокамерой.

– Да, как бы сейчас ни пиарили прелести дистанта, лучше живого общения ничего нет, – Наташа остановила машину на светофоре около поворота на улицу Алтайскую. Неподалеку, на соседней улице Ленсовета, живет бабушка Уланова.

А на проходящей поблизости улице Типанова снимает студию Ольчик. – Не знаю, кому и зачем понадобилось разворачивать эту вирусную эпопею с ее масками, дистантом и санитайзерами, но разобщить людей им удалось. Теперь в ходу слова "оставайтесь дома", "соблюдайте дистанцию", на человека без маски или ненароком чихнувшего волками смотрят... В войну люди сплотились, чтобы одолеть врага, а сейчас как улитки, каждая в свою скорлупу забились... Помните притчу о венике? Как отец сначала попросил сыновей сломать веник, а потом развязать его и переломать прутьи по отдельности?

– Да. Так он дал понять сыновьям, что они должны держаться вместе.

– Вы курите, Вячеслав? – спросила Наташа, потянувшись к пачке "Эссе" с ментолом на приборной доске.

– Нет, бросил несколько лет назад.

Наташа убрала руку.

– Да я нормально отношусь к тем, кто курит, – заметил ее взгляд Томилин. – Понимаю, что курильщику тяжело выдерживать долгое время без сигарет... Сам раньше много курил.

Наташа открыла со своей стороны окно и закурила.

Вдали появились блочные многоэтажки Купчина, над которыми возвышались высотные новостройки свежеиспеченных микрорайонов города.

– Колпино, Шушары, Мурино, – заметила Наташа. – Раньше это были деревни или поселки. А теперь – городские рай-

оны, и там уже строится метро.

– Раньше и Черная речка была далеко за городом, – ответил артист, – а сейчас это чуть ли не центр... Я это понял, когда искал жилье в Питере и узнавал стоимость аренды...

За Купчино вдоль трассы потянулись противозумовые щиты, защищающие жителей новостроек от постоянного гула автострады.

– А вы хорошо водите машину, – заметил Вячеслав. – Впервые вижу женщину, которая так умело управляет внедорожником.

– В армии я водила БМД и БТР, а "круизер" от них мало чем отличается.

Город закончился. Потянулись лесополосы, луга, озера и реки Ленобласти, опрятные деревеньки и редкие поселки городского типа. Чтобы срезать путь, Наташа выбрала маршрут, позволяющий миновать попутные города – Гатчину, Волхов и Тосно. Возле городов часто бывают заторы; в городской черте приходится снижать скорость, а она хочет сэкономить время.

Навигатор, тихо мурлыкая, напоминал ей, где нужно повернуть, где – миновать платную трассу; предупреждал о пробках, ДТП и постах ГИБДД.

– Вы знаете, – сказала Наташа, когда они заехали на запра-вочную станцию на границе двух областей, – одна моя родственница даже ругается с навигатором, когда едет куда-то со мной или с моим мужем. Навигатор говорит "поверните

налево", а она отвечает: "Что еще придумал?! Тут всегда направо поворачивали!", – она вышла, чтобы наполнить бак, и увидела, как за спиной, над лугами бывшей Ингерманландии, растекается молочный туман, а впереди, над Новгородской областью, небо незабудково-синее, с редкими белыми облачками. – Бабушка моего мужа, коренная ленинградка. Город знает, как свои пять пальцев. И с Алисой и Гарфилдом часто дискутирует...

– Привет, я Алиса! – весело донеслось из джипа.

– Вы говорили обо мне? Муррр! – включился Гарфилд.

– А они уже вполне сносно поддерживают беседу, – покачал головой Вячеслав, – скоро с виртуальным помощником можно будет скоротать время в дороге за интересными разговорами. Заедем по дороге в Перынский скит? – спросил он. – Хочу подать записку о поминании.

– Вы мне только укажите, где свернуть.

В магазине при заправке они купили по бутылочке столовой воды, две порции кофе из кофе-машинки и два яблочных пирожка. После быстрого перекуса Наташа и Вячеслав снова сели в машину и въехали на территорию Новгородской области с ее густыми лесами, зеркальными реками, угрожающими болотами и деревнями, где еще сохранились бревенчатые избушки со ставнями, доверчиво не обнесенные забором. "Здесь держать можно двери открытыми, что надежней любого замка", – вспомнилась Наташе песня из старого фильма. "Не думала, что это еще где-то сохранилось..."

– Мурррр, маршрут перестроен!

В скиту Вячеслав сразу перекрестился на купол и направился в часовню, а Наташа еще немного постояла на тропинке посреди луга. Отсюда открывался прекрасный вид на озеро Ильмень. "Тишина и спокойствие... И лес. Как же тут хорошо!"

Несмотря на то, что они были в дороге уже три часа, Наташа не чувствовала усталости. Только не верилось, что еще сегодня утром она как ни в чем не бывало вышла из своей квартиры на Фонтанке и направилась в театр, где Костя обещал ей некую "бомбовскую новость". Никаких вояжей она не планировала. Но спустя четыре часа она уже в соседней области, стоит на берегу Ильменя, а за спиной раскинулся цветущий луг, посреди которого белеет часовня, а за ней расположились жилые и хозяйственные постройки, приземистые, добротные, на века поставленные.

Наташа повязала голову платком и тоже вошла в часовню.

Вячеслав стоял слева, у распятия, склонив голову, что-то тихо шептал и время от времени осенял себя крестом. Его лицо выглядело совершенно отрешенным и удивительно одухотворенным, словно его точеные черты озарил изнутри некий теплый свет.

Не желая беспокоить его, Наташа тихонько села к столу, где лежала бумага для записок и стоял стаканчик с шариковыми ручками, и быстро написала две записки – о здравии и

упокоении. Оглянувшись в поисках прейскуранта за требы, она ничего не увидела.

– За доброхотное даяние, – тихо сказала ей пожилая служительница в длинном сером платье и белоснежном платке, повязанном по-монашески.

Из скита они ехали вдоль берега озера. По словам Вячеслава, это была кратчайшая дорога к тому району города, где живет его семья. Навигатор согласно мурлыкал, когда Томилин говорил Наташе, где лучше повернуть.

– Отец по образованию был историком, – сказал Вячеслав, когда они въехали на окраину города и оказались на узкой улочке среди старинных двухэтажных домов, окруженных густой зеленью, – специализировался на истории и этнографии родного края... Он может часами рассказывать о Новгородском вече, князьях и междоусобицах... то есть мог, – упавшим голосом поправился артист. – Экскурсоводом пришлось работать потому, что наука сейчас не процветает, а отцу нужно обеспечивать семью... нужно было, – снова поправился Вячеслав.

Наташа очень хорошо понимала, что означают эти обмолвки и поправки. Со временем рассудок примет то, с чем не хочет смириться сердце. А сейчас и разум, и сердце молодого человека противятся произошедшему и в один голос кричат: "Нет, нет, нет!" ...

– Вот сюда сверните, – сказал Томилин, кивнув на указатель. – А куда поедете вы?

– Поищу поблизости гостиницу.

– Может, лучше я отведу вас к своей тете? Она живет через дорогу. У нее свой дом, с мансардой для гостей. Мне неловко, что вы из-за меня бросили все свои дела и поехали в такую даль, и еще будете тратиться на гостиницу...

Наташа попробовала отнекиваться, но тихий интеллигентный Вячеслав тут был тверже кремня.

– У меня прекрасная тетя, – сказал он, – она мой лучший друг и охотно вас примет. НЕ смущайтесь.

Машина остановилась перед оградой, густо увитой плющом.

– Тетин дом, – пояснил Вячеслав. – А вот, напротив, – дом родителей...

Елена Прокофьевна Томилина, младшая сестра Вячеслава-старшего, уже ждала их в саду. И, когда Вячеслав-младший подошел к ней, Наташа поразилась их сходству. Невысокая стройная женщина с тонким, словно точеным лицом, ясными серыми глазами и густыми русыми волосами была скорее похожа на мать или старшую сестру Вячеслава, чем на его тетю. Она выглядела очень моложавой, и даже глухое траурное платье и платок не старили ее.

Она охотно согласилась принять Наташу и от души поблагодарила ее за отзывчивость.

В мансарде Наташа получила в свое распоряжение просторную спальню, альков с письменным столом и высоким

креслом, ванную комнату, гардеробную и выход на летнюю кухню на крыше. Оттуда, как на ладони, открывался прекрасный вид на июньский Новгород.

Наташа быстро разобрала сумку и вышла на летнюю кухню. У нее захватило дух от восторга, когда она увидела изобилие разнообразных крыш, куполов, маковок и буйной зелени. Да, хоть она и приехала сюда по скорбному поводу – все равно невозможно не залюбоваться цветением раннего новгородского лета.

Снизу, из сада, доносились голоса Вячеслава и Елены Прокофьевны. Они сидели за столом под навесом.

– Такая приятная молодая женщина, – говорила тетя Вячеслава, – и лицо знакомое... Кто она?

– Наш автор, – ответил Вячеслав, – я играю в ее пьесе... И еще она пишет детективные романы. Наталья Навицкая.

– Навицкая? – переспросила Елена Прокофьевна. – Теперь я вспомнила, где ее видела. Брат принес мне пару ее книжек, как раз в гостиной лежат... – ее голос дрогнул.

– Приезжай как-нибудь на спектакль, – предложил Вячеслав. – Ты же любишь детективы.

– Приеду. Летом обязательно побываю. Я уже давно не была в Петербурге.

– Как дядя? – поинтересовался Вячеслав. – А Лиза и Ваня?

– Толя на работе, вечером придет. Лиза с Ваней в "Заставе". Я им пока не сообщала... Слава, а ты давно знаком с

Наташей?

– Месяца полтора. Вернее, дольше, но раньше мы только здоровались. Я играл сначала в паре эпизодов в ее пьесе, а потом ушел один артист, и меня взяли на его место, на одну из главных ролей.

Они еще долго говорили о Петербурге, театре, каких-то общих знакомых и родственниках, а Наташа вернулась в комнату и села за письменный стол. Подняв голову, она увидела в полукруглое мозаичное окно, как Вячеслав выходит из калитки и идет к дому через дорогу.

До ужина Наташа успела написать две главы и позвонить домой. Виктор заверил, что дома все в порядке, и передал привет Новгороду.

За ужином Елена Прокофьевна поставила на стол еще теплые сырники и шарлотку и сказала, что брата будут отпевать в Софийском соборе послезавтра, и добавила:

– Если вы придете, мы будем вам признательны. Вы, конечно, не были знакомы со Славой-старшим, но, поверьте, он был замечательным человеком. Добрым, душевным, со всеми дружил... Тоже писатель. Иногда сочинял детские сказки и притчи для детей, об истории Новгородщины...

– Спасибо, – ответила Наташа, – я приду непременно.

– Славик очень похож на отца, – грустно сказала Елена Прокофьевна, заваривая ароматный травяной чай с мятой и мелиссой, – и внешне, и по характеру. Тоже творческий человек, увлеченный, вдохновенный... Его старшая сестра

Глаша – другая, в мать пошла... У Славы-старшего несколько сборников сказок вышло в местном издательстве, – вздохнула она, – сейчас он работал над новым...

Она налила себе и гостье чаю, поставила на стол баночку меда в виде стилизованного бочоночка.

Наташа с щемящим чувством подумала о том, что действительно не знала отца Вячеслава. И уже не увидит... Но если от рокового известия у Томилина такие погасшие глаза и голос без модуляций, тихий, словно измученный, а Елена Прокофьевна, говоря о брате, то и дело отворачивается и замолкает ненадолго – значит, Томилина-старшего очень любили в семье. И сборник сказок остался недописанным...

"Что гибнут вдруг, не дописав поэм, не долечив, не долетев до цели", – вспомнилось стихотворение Константина Симонова. Спросив разрешения, Наташа вышла на крыльцо и достала сигареты. У нее к глазам тоже подступили слезы.

"А эта семейка, – с неожиданной злостью подумала она, – даже не знает, что они натворили. Съездили на экскурсию, заплатили за тур, требовали к себе внимания, всем мозги вынесли, таскали за сбой больного ребенка и совали его чуть ли не в лицо гиду... И теперь у Томилиных – такое горе, а эти переступили и дальше пошли, и плевали на все, и судить их за это невозможно. Так и останутся безнаказанными"...

– Бог им судья, – сказала Елена Прокофьевна, бесшумно выходя на крыльцо, – вижу по вашему лицу, что вы думаете об этих людях, родителях больного мальчика. Глупые,

несчастливые люди. Только пожалеть их.

– А как вы догадались, о чем я думаю?

– Это семейное. Мы с братом немного эмпаты, улавливаем эмоции других людей... И Славочка унаследовал. Ну вот, мой брат так бы и сказал: оставьте, не судите, на глупых сердиться грешно. Они уже наказаны тем, что родились без разума.

– Но от этого страдают не они, а другие, – возразила Наташа, погасив окурок в урне-пепельнице, – и если их не останавливают, когда они приносят зло по неведению, они так дальше и будут жить, не думая о последствиях своих прихотей. Шахида с поясом стараются снять пулей в голову, чтобы он не успел нажать кнопку, а с дураками труднее. Как их остановить, если они не комбатанты?

– Вы военный? – с интересом посмотрела на нее Елена Прокофьевна.

– Да. Капитан ВДВ в отставке.

– Десантник? – изумилась Томилина-старшая. – Да, тогда вы действительно многое знаете о войне... Но рассуждаете слишком жестко, сплеча рубите. Вы же не предлагаете судить этих людей по законам военного времени?

– Нет, но за заражение болезнью, повлекшее за собой трагические последствия, в Уголовном кодексе предусмотрена достаточно суровая статья, – Наташа закурила вторую сигарету. – У меня муж и друзья – адвокаты по уголовным делам, и я знаю, о чем говорю.

– Вендетта? Как на Сицилии? – грустно покачала головой хозяйка дома. – И кому от этого станет легче?

– Не легче, – согласилась Наташа, – но это поможет избежать следующих трагедий из-за глупости, тупого упрямства и недомыслия. Они снова могут натупить так, что это стоит кому-то жизни. А если проучить таких беспечных, это удержит подобных им от неосмотрительного и эгоистичного поведения, и поможет предотвратить новые беды. Если недомыслие становится преступным, за него полагается наказание.

– Преступление и наказание, – задумчиво сказала Елена Прокофьевна, – конечно, вы правы насчёт того, что нужно по возможности предотвращать новые трагедии и горе, и что люди не должны быть безответственными, если речь идет о безопасности окружающих. Мы могли бы подать иск против этой семьи, но это будет практически неосуществимо, возбудить дело и довести его до суда. Да и у нас нет желания вендетты и умножения горя. И мне жалко этого мальчика. Подумайте, каково ему будет расти с мыслью, что в три года он, пусть и невольно, не зная того... – женщина осеклась и опустила голову. Некоторое время обе молчали.

Потом Наташа сказала:

– Виноват в большей степени не мальчик, а взрослые. Не захотели терять деньги, уплаченные за поездку; не соблюдали дистанцию и отказывались надеть на ребенка маску, видя, что он нездоров. Они думали только о себе. Им не помешало

бы узнать, к чему привели их эгоизм, жадность и пофигизм. Я могла бы этим заняться.

Некоторые Наташины романы были написаны на основе реальных событий – это был не рекламный ход, иногда Наташи действительно попадала в такие ситуации, до которых не додумался бы самый изощренный автор детективной литературы. И умудрялась их распутать, помогая официальному следствию.

Так, несколько лет назад Наташа узнала о том, что у отца был двоюродный брат, который в своем завещании назвал основными наследниками Наташу, ее сестер и мать. Приехав на оглашение его последней воли, Наташа услышала разговоры о том, что гибель дяди Вилибалда была подозрительной и полной загадок. Потом за ней гонялся по вечерней дороге возле Кальфы хохочущий монстр со светящимся лицом и едва не загнал девушку под автобус. Потом он же попытался напугать и Когана, занимающегося завещанием дяди Вилибалда. Разъяренный адвокат выскочил из дома, размахивая травматическим пистолетом, и "пришелец с того света" при виде оружия удрал так резво, словно боялся получить заряд из травматика и почувствовать боль...

Года два назад юристы из фирмы Ефима занимались в Севастополе делом о краже скифской диадемы из музея этнографии. В пропаже артефакта был обвинен молодой ученый-этнограф. Парень был в долгах, как в шелках и выплачивал сразу несколько кредитов, которые на него повесила

транжирка-жена, поэтому на него и пало подозрение. Игорю Никольскому, Виктору Уланову и Белле Измайловой было непросто противостоять обвинению, которое выглядело прочным и нерушимым. И на юг выехала "тяжелая артиллерия" в лице главы юридической фирмы. С Ефимом в Крым направлялась Наташа – к своему мужу. Сильный шторм задержал их у переправы, и пассажиров с "единым билетом" отправили ждать открытия навигации в Джамете. В первую же ночь в пансионате произошло убийство. Пытаясь разобраться с ним, Наташа и Ефим с удивлением поняли, что преступление напрямую связано с исчезновением диадемы из севастопольского музея...

Год назад, томясь на самоизоляции, Наташа узнала, что отношения ее друзей, Антона и Инги Макаровых, совершенно разладились, и пара балансирует на грани развода. А потом Ингу арестовали. Антона нашли убитым в прихожей, и рядом валялись скалка и нож с отпечатками пальцев его жены... Все парадное накануне слышало громкую супружескую ссору из квартиры Макаровых. Масла в огонь подлили любопытные соседи, которые видели в бинокль любовные свидания Антона в отсутствие Инги и сталкивались в парадном с мужчиной, который навещал Макарову, когда Антон отбывал на работу. Даже Ефим взялся за это дело, практически не рассчитывая на оправдательный вердикт. И только Наташа и Белла не верили в то, что их хладнокровная рассудительная подруга могла убить Антона. "Вздумай она это

сделать, – сказала им начальница Антона, главврач Кристина Соколова, – она бы продумала и осуществила идеальное преступление – ее вовек не уличили бы!" Достав пропуска, молодые женщины храбро вышли в карантинный Петербург, провели собственное дознание и узнали шокирующую правду...

Несколько месяцев назад Наташа и Белла решили встретить Новый год в Кронштадте, в квартире, где жила до замужества Белла. Их мужья уехали на судебное разбирательство в Лугу; Младшенький с няней отправился в гости к Тамаре Ивановне в Черноречье, и Навицкая с Измайловой остались в одиночестве в своих огромных квартирах... И отправились на Котлин. Едва закончив уборку и закупку всего необходимого для праздника, молодые женщины вышли прогуляться по первому снегу, и стали свидетельницами ссоры двух мужчин в парке. Один из них толкнул оппонента. Тот поскользнулся, упал и ударился о постамент... В отделении, куда они пришли, чтобы дать свидетельские показания, Наташа и Белла узнали, что задержанного пытаются обвинить в преднамеренном убийстве вместо причинения смерти по неосторожности, и неугомонная Измайлова не смогла отвернуться от такой несправедливости. Она вызвалась защищать Егора Степанова бесплатно, а Наташа тут же решила помочь подруге, собирая информацию. И вскоре они узнали, что увиденное в парке – лишь верхняя часть айсберга, и за этой ссорой – огромная цепь трагических событий, ковар-

ства, жестокости, предательства и преступлений... И корни столкновения у памятника академику Капице уходят в далекие 80-е годы... Суд над участниками этой чудовищной многоходовки, которую обрушили две доморощенные сыщицы, еще идет, но, как говорит Ефим, "чует моя чуйка, дети мои, по четвертаку им светит, или я не Ефим Коган!". А прогнозы Ефима всегда сбываются...

Так что Наташа готова была снова прийти на помощь нуждающимся и была полна решимости.

Елена Прокофьевна не успела ответить. Стукнула калитка, и вошел Вячеслав.

– Как мама? – понизив голос, спросила Елена Прокофьевна.

"И как он?" – Наташа заметила, как бледен и поник Томилин.

– Уснула, – артист сел на крыльцо, устало вытянув ноги. Он был все в тех же черных джинсах и "поло". – Глаша с ней. А я вышел пройтись. Голова разболелась. Не смогу спать.

– Хотите, я дам вам цитрамон? – предложила Наташа. – У меня есть с собой.

Только тут Вячеслав вспомнил о ее присутствии и вскочил:

– Добрый вечер, Наталья Викторовна. Как вы устроились?

– Спасибо, хорошо, – Наташу затопило сострадание. Артист выглядел таким потерянным, что его хотелось погладить по голове, как маленького, обнять, успокоить. Брови

страдальчески сдвинуты, глаза покраснели, губа прикушена, измучен головной болью и горем, и в черной одежде выглядит еще более худым и бледным.

Цитрамона он, извинившись, выпил сразу две таблетки и запил водой. Но когда Елена Прокофьевна предложила племяннику прилечь на веранде, отказался наотрез:

– Немного посижу во дворе, и все пройдет.

Иногда тихий застенчивый Вячеслав умел быть тверже алмаза, и спорить с ним было бесполезно.

В доме зазвонил стационарный телефон, и Елена Прокофьевна, извинившись, ушла в комнаты, Вячеслав и Наташа молча сидели на диванчике с мягкими сиденьями и спинками. В полной тишине слышалось только тихое поскрипывание качелей в саду. А потом робко, поначалу негромко где-то на дереве запел соловей. Из дома доносился приглушенный голос хозяйки, говорившей по телефону. В Питере никогда не бывает таких тихих вечеров – большой город никогда не спит даже в самую глухую зиму или ненастную осень. Мчатся машины, бряцают крепления мостов, воют сирены "скорых", кричат наперебой зазывалы, предлагая "увлекательный автобусный тур" или "экскурсию по рекам и каналам Северной столицы", звучит музыка. А здесь – настоящая патриархальная тишина, в которой можно даже услышать собственные мысли... Дома для этого пришлось бы закрыться в кабинете, плотно затворив окна и двери. А здесь – хоть на улице вечером отдыхай, никто не помешает...

– Я вам очень благодарен, Наталья Викторовна, – нарушил молчание Вячеслав. – И я у вас в долгу.

– Я всегда так поступаю, – ответила Наташа, – не стоит благодарности.

– Отпевание послезавтра в 9 часов утра, – сказал Вячеслав. – В Софийском соборе. Вы придете?

– Да, – кивнула Наташа.

Еще некоторое время они молчали. Наташа подумала о том, что на свете мало людей, с которыми можно просто так сидеть рядом и молчать, и это будет стоить многочасовой беседы "ни о чем". Вот если бы только не было так жарко щекам и не стучало так взволнованно сердце...

– Наверное, звонит бабушка Женя из Старой Руссы, – посмотрел на дверь дома Вячеслав. – Она всегда подолгу разговаривает. Не знаю, приедет ли она. Недалеко, но ей уже тяжело. Да и вируса боится.

Наташу тревожило то, что Вячеслав говорит короткими рублеными фразами, глядя на носы своих кроссовок. Стресс, и очень сильный. Справится сам или застрянет надолго? И как его вывести из этого состояния? В армии не церемонились – могли и ругнуть, и по уху съездить, и сапогом под зад въехать – лишь бы встряхнулся и перестал вести себя, как робот. Но не может ведь она сейчас так же поступить! То, что безотказно действовало в армии на солдат, неприемлемо в этой ситуации. "Хотя, может, он все-таки сам выйдет из ступора?"

Следующий день Наташа провела, гуляя по Новгороду. Искупалась на городском пляже, побывала в "детинце" и в музее деревянного зодчества, пообедала в своем любимом кафе "Центр" на улице Розважа, съездила в женский монастырь, славящийся своими яркими холеными цветочными клумбами и вкуснейшей выпечкой, и поставила свечку за упокой Томилина-старшего. Заказав литургию, Наташа неспешно направлялась к воротам, а мысли в голове крутились далекие от христианского смирения. "И что, ИМ так все и сойдет с рук? Даже не узнают, ЧТО натворили? Они, видите ли, не хотели потерять сколько-то процентов, сдавая билет накануне поездки, и из-за этого не стало Славиного отца. Прощать такое- значит, становиться соучастником преступления. Молчаливым соучастником..."

Словно в ответ (и в укор ей) раздался колокольный перезвон, созывающий монахинь на дневную службу. Устыдившись своих недобрых мыслей, Наташа истово перекрестилась на купола. Но уже за воротами, снимая платок и садясь в машину, снова подумала: "А ведь они могут еще кого-то так же погубить по глупости, жадности или наплевательству. Так что смолчать, оставить все как есть будет еще более жестоко по отношению к людям, которые тоже могут пострадать из-за этой милой семейки..."

Помня свое обещание, Наташа заехала в магазин и купила Младшенькому игрушек. Потом, сидя у Ганзейского

фонтана в парке, она позвонила Ефиму и изложила свой вопрос.

Коган понял ее сразу же.

– Да, достать список пассажиров и узнать, не заболел ли кто-либо из них – это как два пальца оплевать, – ответил он. – И насчет персонала, который обслуживал этот рейс, я запросто провентилирую вопрос. Конечно, учить надо таких утырков. Виданное ли дело – за ср...е 8 тысяч потащили в поездку больного ребенка, да еще экскурсоводу в лицо его совали!

– Это тебе 8 тысяч ср...е, когда ты на кофе в "Империа-ле" за неделю больше тратишь, – заметила Наташа, – а для кого-то это немалые деньги.

– Но не настолько, чтобы ставить на другую чашу весов чью-то жизнь, – отрезал Коган. – И потом, есть же возможность отменить бронь и вернуть свои деньги, если по каким-то причинам нет возможности поехать. С небольшим вычетом, правда, но вернули бы. А им стало жалко этих гнутых копеек, которые с них высчитали бы за возврат... И если они не поймут, что случилось из-за их чихуна, они вот так же сдуру еще больших дров могут наломать, а так в следующий раз еще подумают. Вот что, Ната: мне нужно заявление от работников турфирмы, но это я беру на себя. И от кого-то из родных экскурсовода, – в трубке защелкали клавиши. – Ага, знаю этот проулок у Сенной, а ты поговори с родственниками потерпевшего.

– Постараюсь, – Наташа перебрала в уме членов семьи Вячеслава и остановилась на его сестре. Аглая Томилина, по мужу – Рыкова, хозяйка магазина одежды, скорее согласится подать заявление. Она имеет деловую хватку и свойственную бизнесменам жесткость и, по словам Елены Прокофьевны, тоже считает, что родителей "Чихальи" следовало бы привлечь к ответу.

Наташа позвонила Вячеславу, и – о, чудо! – узнала, что он как раз гуляет с сестрой по городу; сейчас они зашли пообедать в "Центр". Наташа снова поспешила к кафе.

Аглая была мало похожа на художавого легконогого брата. Крупная блондинка в строгом деловом костюме и модных очках, громкоголосая, с тяжелой поступью.

Как и предполагала Наташа, с Аглаей разговор пошел легко.

– Заявление? – женщина блеснула очками. – Да, напишу. Пусть отвечают. Да, Слава, – обернулась она к молчаливому брату, очевидно продолжая ранее начатый разговор, – за глупость не судят, если только она не стоит кому-то жизни. Разве я неправа?

– Да... Права. Я тоже подпишу, – разжал губы Вячеслав. Сегодня он снова был в черном – джинсах и рубашке с короткими рукавами. Слегка похолодало, и на спинке кресла артиста висела джинсовая куртка. – Я подумал, что вы обе правы. Если они не поймут, чем обернулась их беспечность, они могут вот так еще кому-то навредить...

– Если уже не навредили, – ответила Аглая, – ты представь, скольких еще людей они могли заразить – соседей по автобусу, водителя, сотрудников турфирмы, посетителей соборов и музеев... Это уже не глупость, Слава, это – преступление!

Она попросила у Наташи номер Когана и вышла на улицу, чтобы позвонить адвокату.

За тысячу лет Софийский собор немного просел, на два метра ушел в землю, но все равно его величина впечатляла. Нижние стенные нефы были немного меньше остальных за счет проседания. Стены были невероятно толстыми и добротными, а внутри стоял настоящий ледяной холод даже в теплый июньский день. Он быстро пробрался под Наташино платье из черной шерсти, и молодая женщина пожалела, что не прихватила кардиган или шаль. Из рта вырывались клубы пара. Служительницы собора благоразумно ходили в пушистых шерстяных платках, телогрейках и валенках. И даже многочисленные свечи не могли рассеять сумрак.

Она стояла рядом с Вячеславом. Он застегнул черную джинсовую куртку на все пуговицы и все равно еле заметно поеживался от холода. Его лицо выглядело бледным и застывшим, только один раз по щеке скатилась слеза.

По другую сторону от него стояли мать, сестра и тетя. Проститься с Вячеславом Прокофьевичем пришли много людей, и на их лицах читалась неподдельная скорбь.

Открывать крышку гроба запретили – по словам врачей, вирус мог быть опасен до сих пор.

Поминали Томилина-старшего все в том же "Центре".

Когда Наташа вышла покурить, ей позвонил Коган.

– Дело сделано, – сказал он, – так я и знал: заболели еще водитель и девочка-сопровождающая. Он лежит в больнице, а девочка болеет дома. Заявления получены, иду дать подж...ка госструктурам, чтобы активизировались. Теперь их выход!

Вечером Наташа и Вячеслав выехали в Петербург. Утром Томилину-младшему предстояло выходить на репетицию "Развязки", а послезавтра вечером – играть для почетных гостей.

Вечер был безоблачным и светлым. В 21 час еще даже не включали фонари. Трасса радовала взгляд пустотой и сухим асфальтом, и "круизер" шел быстро.

– Я говорил с тетей Леной о том, смогу ли как ни в чем не бывало выйти на сцену и играть, – сказал Томилин, когда они уже ехали по Ленобласти. – И она ответила: играй так, будто отец сидит в зале и видит тебя. Играй так, чтобы он мог тобой гордиться. Я должен постараться, правда?

– Вы справитесь, я не сомневаюсь, – заверила его Наташа и подумала: "Это то, что ему надо. Выложится по полной на сцене, и легче выйдет из ступора, чем после "терапии комбата Мелешко".

Буря налетела внезапно, когда Наташа ехала от бабушки Уланова по Московскому проспекту. Видя подобные сцены в кино, она не верила им, считая спецэффектами. Но сейчас за считанные минуты ясное голубое небо скрылось за черной завесой, ранний июльский вечер почернел, как полярная ночь, взвыл первый порыв ветра, а еще через пару минут на город обрушилась лавина воды.

В черном небе засверкали белые и зеленые молнии, а от громовых раскатов затрещала, а потом и вовсе испуганно смолкла магнитола в "круизере". Бешеные порывы ветра норовили закрутить массивный внедорожник, как легкую сигаретную пачку, и приносили все новые и новые разрушения.

Пролетела и грохнулась на тротуар крыша от павильона "Великолукский мясокомбинат". Бухнулся на газон бигборд, повалилось дерево.

До дома было недалеко, но Наташа с опаской думала о том, что преодолеть оставшиеся 3-4 километра будет труднее, чем предыдущие. А ну как следующий порыв закрутит машину, как Младшенький крутит и сталкивает свои игрушечные машинки, изображая аварию? Или приложит об столб? Или сбросит с моста? Она уже с трудом удерживает ровный ход, сопротивляясь бешеному натиску урагана. И что за год такой! Впервые она видит такие тропические бури в Питере – в мае уже была такая.

Увидев актерское общежитие театра Лаврецкого, Наташа вспомнила, что там в полуподвале есть гараж, добротный,

хорошо защищенный от непогоды и пустой. И свернула туда. Лучше не искушать судьбу и переждать бурю.

Она едва успела проскочить в хлещущие на ветру створки ворот, когда они с пушечным звуком захлопнулись за "круизером". А в следующую секунду за воротами грохнуло упавшее дерево. Наташа обернулась и увидела огромную крону, ветки размером каждая как отдельное дерево, вывороченную корнями землю – и сердце екнуло. "Повезло, а удержишься я на секунду... А потом пришла мысль: "Теперь и выехать не смогу, пока его не уберут..."

Ураганные порывы на время затихли, зато дождь хлынул с удвоенной силой. Машина уже не ехала, а хлюпала колесами по мутной воде. Поставив машину в гараж, Наташа раскрыла зонтик и побежала к входу, но основательный темно-синий "антиветер" не защитил ее от косых струй. "Хороша! – подумала Наташа, увидев свое отражение в стекле, – писательница, автор пьесы! Мокрая курица, вот на кого ты похожа!"

Вахтер у входа вскочил, но тут же узнал Наташу:

– Боже мой, Наталья Викторовна, что с вами случилось? Вы упали в реку?

– Всего лишь пробежалась под зонтиком от гаража, – Наташа попыталась отклеить облепившую грудь блузку.

"Джинсы воды набрали и прилипли, – вспомнилась песня Земфиры, – мне кажется – мы крепко влипли..."

Снова стукнула дверь, и в вестибюль вбежал такой же мокрый Вячеслав, почему-то босиком. На ходу он выжимал

на себе рубашку. Глаза молодого человека искрились смехом.

– Сандалии выкинул, – сообщил он, забирая ключ у вахтера, – расклеились в луже после стометровки от метро. Наталья Викторовна? Какими судьбами?

— Спасалась от бури, – Наташа почувствовала, как в туфлях булькают два холодных озера. Но вроде обувь не собирается развалиться. "Крымские туфли тут лучше не носить. Клееной обуви хватает на один питерский дождь..." – И похоже, застряла тут. Видели дерево у ворот?

– Видел, – Вячеслав убрал со лба мокрые волосы. – Вам повезло, что вы успели проехать.

– Да... Повезло.

"Два часа дождя, под июльский гром

Два часа дождя были мы вдвоем

Два часа дождя, за его стеной

Ты училась вновь говорить со мной", – запело радио в чьей-то комнате, и Наташа с Вячеславом переглянулись.

– Уместная песня, – сказала Наташа.

– Созвучно реальности, – ответил Вячеслав. – Наталья Викторовна, вы можете простудиться в мокрой одежде. Вам надо обсушиться.

– Боюсь, это сложно, – хмыкнула Наташа, – мне не во что переодеться. На мне и сухой нитки нет.

– Я могу вам дать спортивный костюм, – Вячеслав слегка покраснел. – А одежду можно развесить на сушилке. Соня

подарила мне складную сушилку для белья. Полезная вещь.

"Опять Соня... Что у него с ней?"

— Да и вам нужно переодеться, — заметила Наташа, когда они поднимались по лестнице. Мокрые туфли она уже несла в руке, и босые ноги приятно согревались, ступая по красно-зеленой ковровой дорожке. Ворс был жестким и колючим, но это оказалось приятнее, чем ледяные озера в туфлях.

Почему-то Наташа не сомневалась, что стоящий за ее спиной, отвернувшись, Вячеслав даже не пытается подглядывать, как сделали бы на его месте 99 мужчин из ста.

Чертыхаясь сквозь зубы, она стаскивала мокрые и неподатливые джинсы, облепившие ноги, как пластырь или восковые полоски. Судя по сопению и кряхтению за спиной, у Томилина была та же проблема.

Раздевшись догола, Наташа энергично растерлась выданным ей хозяином вафельным полотенцем и натянула черно-желтый спортивный костюм, пришедшийся ей впору, и шерстяные носки. Куртка немного жала ей в груди, а носки оказались велики на пару размеров. Но главное — все это было сухим. Наташа быстро согрелась.

Вячеслав, в потертых домашних джинсах и ковбойке сноровисто расставил сушилку, и они развесили на ней мокрую одежду.

— Джинсы надо было отжать, — сказал Томилин, когда на

пол шлепнулась первая капля. – Хм... правда, это было бы непросто.

– Жаль, нет машинки, – ответила Наташа, – включили бы отжим 800 оборотов, и получили бы почти сухие брюки, – она протерла короткие волосы полотенцем.

– Машинка есть в прачечной, – просиял Вячеслав, – сейчас сбегая, – он сдернул с сушилки свои и Наташины джинсы и нечаянно сбросил на пол лифчик. Зарделся, поднимая его, и Наташа выругала себя: не надо было развешивать белье рядом с остальными вещами.

– Вы присаживайтесь, – сказал Вячеслав, вернувшись, – все, отжим работает. Может, хотите чаю? С медом. Я из Новгорода привез липовый.

– С удовольствием, – Наташа сильно замерзла в мокрой одежде, и чай с медом был очень кстати. "А то не хватало мне захрипеть и захлюпать носом перед автограф-сессией!"

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.